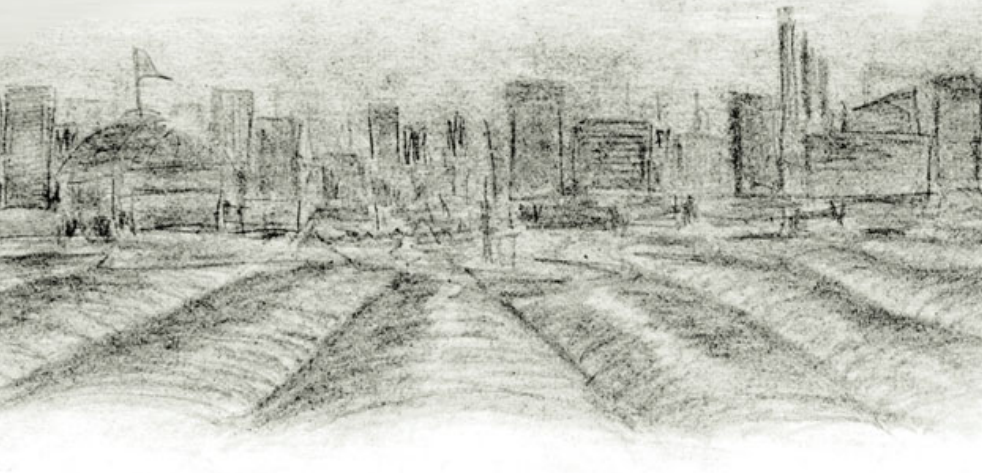

Сергей Никитин

ДЕВЯНОСТЫЕ...

Сергей НИКИТИН

ДЕВЯНОСТЫЕ...

Стихотворения

**Минск
2003**

Никитин С.

Девяностые... Стихотворения / С. Никитин . 2003. — 200 с.

Стихи Сергея Никитина — о чувствах и фантазии, о жизни и смерти, про черное и белое. Эта книга — осознание автором и своеобразное отражение всего пройденного за отрезок девяностых годов прежнего столетия.

*В роскошном свете
тайной суеты
и толчеи абсурдного значенья,
Тебя прошу –
властителя судьбы –
минут счастливых
подарить мгновенья.*

...По-моему, тогда была осень. Я сидел дома, у окна, и не понимал происходящего. Не та улица, не та погода, не те люди. Окружающие ввали друг другу, ввали самим себе, «утешаясь» светлым будущим и непонятным настоящим.

Выходя во двор, я шел по кругу. Самое интересное, что круг этот с каждым днем сужался и я, как по вниз сходящей спирали, опускался в водоворот своих мыслей, не осознавая, где сон, а где реальность. Спокойствие исчезло, не оставив даже надежды на возвращение. Оставалось одно — искать выход в новом пути, в обновленном понимании опережающей действительности.

Выход нашелся не сразу. Принимая все, как есть, я брал чистый лист бумаги и, выражаясь языком скульптора, лепил некое подобие своего понимания жизни. Только жизнь эта была скучна и неинтересна. Нелепый образ рифмоплета порой выдавал уж очень наивные портреты искателя смысла.

Но новый этап наступил. В его начале никто не знал, сколько будет наломано дров и исковеркано людских судеб. Никто не задумывался о предостережениях и исторических ошибках. Мы все двинулись вперед. Мы, как один, натыкались на острые грани вопросов, которых с каждым новым днем становилось все больше и больше, и убегали от ответов, которых становилось все меньше и меньше...

Хотя, может быть, мне так казалось. Ведь все происходящее, в конце концов, сформировалось и обрело смысловой мотив моего выражения.

С. Никитин

1991

* * *

Растут большие города:
за ними тянемся и мы —
ждем света после долгой тьмы
и вместо нет, все чаще — да...
Смотрю на эту суету,
хотя и сам — часть этих дней,
часть этих улиц, площадей,
рисующих мою судьбу.

* * *

Город, встречая утро,
гасит ночные огни.
Солнцу свою эстафету
передают они.

Темная ночь уходит
куда-то в небесную даль.
Подъем — и помятой щетиной
трется зубная эмаль.

Масло, батон, черный кофе...
Блок новостей за спиной.
В тесном автобусном мире
едешь на встречу с судьбой.

Город встречает утро...
И так — каждый год, целый век.

День начинается новый —
удачи тебе, человек!

* * *

История прошедших лет
стара, как мир, и актуальна снова.
Из говорливых уст ее
не вычеркнуть хмельного слова.

* * *

Как потерянная копейка,
он лежит посреди дороги.
Как упавший с деревьев лист,
трется он о чужие ноги.

Как беспомощная птица,
он руками махает впустую.
Как застывшая камнем статуя,
он о чем-то своем тоскует.

Не несли в себе веры встречи.
По расчету не брал он займы,
чтобы красок купить веселых
и уйти от коварной сумы.

Год за годом прошли, играя.
Постарел он, спеша за ними.
На дороге — все та же копейка...
Я топчу ее вместе с другими.

* * *

Мои игрушки ходят по квадрату.
Я их построил в строгие ряды.

Чеканя стройный шаг, идут парадом,
не оставляя на полу свои следы.

Я их раскрашу разными цветами.
Я их обклею всякой ерундой.
Я выберу среди игрушек генерала,
который поведет их за собой.

Мои солдаты станут сильным войском
и победят в любой войне, играя.
Но только не услышу я победы —
победа моих воинов немая.

* * *

Приходит ночь под маской дня.
И ты седлаешь вновь коня...
Вперед!
Тебя туда — в который раз —
мечты затейливой рассказ
зовет.

Ты сделал шаг, вскочил в седло.
И след твой тут же замело...
Зима.
Но снег — не ложь, пускай идет.
Ведь знаешь ты, что где-то ждет
она.

И твой полет — он без границ,
и ты летишь быстрее птиц —
стрелой.
Несешься ты, гонимый ей...
Гонимый спутницей своей —
мечтой.

СТЕПЬ

На этой земле,
по которой все шли,
в ту страшную степь
вели
дороги-мосты.
И степь встречала
ужасной картиной.
Здесь все рыдало —
кругом
могилы-кресты.

Здесь столько крови
было пролито.
И столько душ
невинных убито...
Стой!
Ни дня, ни ночи.
И сна — ни часа.
Горели очи...
И раса на расу —
в бой!

Земля кровь пила.
И было мало...
Но все не вечно —
она устала.
И ей
она харкалась,
она давилась...
Но люди шли.
И снова лилась —
пей.

Года и годы
над степью плыли.
И столько раз
ее омыли,
но там —
горящий факел
огнем раздора,
огнем позора
светил всем
нам...

КАРАВАН

Враг открыто смеется,
сделав дикий оскал.
Понял он, что бессильны,
что хребет нам сломал.
Мы стоим еле-еле,
даже еле дыша.
И в израненном теле,
волком воет душа.
Пали мы от обмана,
от предательской лжи.
Не сберечь каравана —
наши лица в крови.
Вот и время выходит:
две минуты, три, пять...
Но ползем мы в атаку,
что теперь нам терять?
И пусть враг посмеется,
сделав дикий оскал...
Караван не сдается,
хотя все потерял.

* * *

Промелькнула звезда,
унося мысли прочь.
Мимо нас поезда
проходили, как ночь.
Отсветила луна
своим тусклым огнем.
Мы собрались идти,
но тебя не возьмем.
Нам самим бы понять
для чего надо жить:
чтобы верно играть
и по правилам бить?
Чтобы мир был для нас
верным спутником-псом?
Чтоб веселый рассказ
оказался не сном?

МНЕ ГОВОРЯТ...

Солнце садится на западе,
а мне говорят, что — восток.
Я вижу устье реки,
а мне говорят, что — исток.
Небо расплылось красками,
а мне говорят: «Грозы нет».
Я баритону связками,
а мне говорят, что — фальцет.
Красно-зеленое зарево,
а мне говорят: это — сон.
Сладко-горькое курево —
я восхожу на трон.
Богатые залежи золота,
а мне кричат: «Ерунда!»

Идола вижу из олова,
но где его голова?..

* * *

Читая на обрывках газет новости дня,
я понимаю, что это — не для меня.
Черные строки на белом ложатся вкось —
я подвожу черту: скомкай и брось.

На кухне нельзя сидеть — динамик орет:
диктор на все голоса «песни» поет.
Скучная сказка о том, как надо жить...
Щедро подкажет реклама, что нужно купить.

Вечером вижу лица все тех же людей.
Слушаю резкие речи все тех же царей.
Знаете, я устал звезды считать...
Новости к черту все — я иду спать.

* * *

Рассматривать раны
забавное дело,
ругая все острые
границы судьбы.
Они заживают,
но шрамы на теле
оставят оттенок
дворовой шпаны.

Их видеть и помнить —
не значит бояться

того, что однажды
не смог стерпеть боль.
И легче не станет
от мыслей сыпучих,
в которых — протест
и зернистая соль.

Иные не видят
белеющих шрамов —
ударят словечком
сильней кулака.
Оно пронесется,
в душе сделав рану...
В ответ — кровь польется
из уст дурака.

* * *

Ветер завывает свою песню,
холод пробирает до костей.
В этот вечер трезвость не в почете.
И в колоде нужных нет мастей.

В этот вечер все кругом так скучно,
а на улице — отчаянная тьма.
Я зажег одну большую свечку
и ее свет дразнит выход сна.

А еще — недавно говорили:
станет, мол, тепло — придет апрель,
занавеску темную откроет —
и начнет крутиться карусель.

А еще — недавно было можно
в будущее вторгнуться чуть-чуть.

Не проблемой было — осторожно
туз бубновый в черву обернуть.

Но весна объявится не скоро.
Не так быстро сбудется мечта.
И не скоро масть придет мне в руки...
Но придет — и это знаю я!

* * *

Осмыслить все ума не хватит.
И все понять не суждено.
Слабак спокойно в гору катит —
ведь сверху так утверждено.

Не надо сильно напрягаться.
Не надо бегать и просить —
лишь вовремя с бугром связаться
и все, что надо получить.

На будущее план прикинут —
тропа знакомых ввысь ведет.
С нее всех лишних ловко скинут,
всех нужных — выдвинут вперед.

* * *

Вновь —
плакаты с портретами.
Мешают припевы с куплетами —
вносят мотивы траура,
пытаясь найти душу мрамора.

Вновь
упрекают распутную —

жалкую слабость, минутную,
как будто самим им не чужды
страстные похоти-нужды.

Вновь
ожидание выгоды
станет на входы и выходы,
чтобы пополнить копилку,
найдя золотую жилку.

Вновь
прохожу мимо сцены,
на радость снижая цены.
Усердствуя и волнуясь,
жду, чтобы жизнь вернулась.

КЛЕРК

Ни разу не видел,
как падает свет.
Ни разу не шел ва-банк.
Сидел в конторе,
как буквоед,
читая помятый бланк.

Ни разу не слышал
деревьев стон.
Ни разу с ветром не пел.
Смотрел несмело
на мир из окон
и от тоски грыз мел.

Ни разу не спал
на голой земле

и голых не видел баб.
Мечтал, конечно,
и то — во сне,
целуя царевен-жаб.

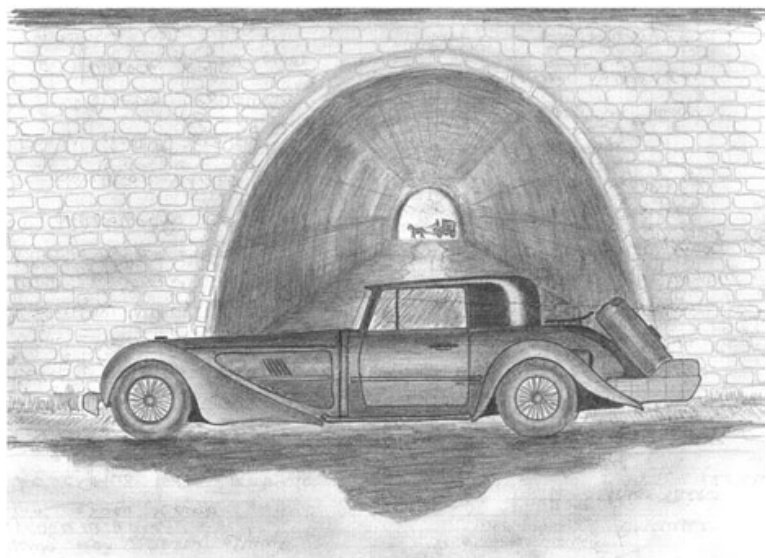
Ни разу, нисколько,
нигде, никогда,
ни с кем, ни о чем, никак...
Ты потерялся, клерк,
навсегда,
зажав свои чувства
в кулак.

* * *

Мрачные тени убогих домов
смотрят в затылок обрывочных снов.
Взглядом своим, восхваляя обман,
грязной рукой нагло лезут в карман.

Бег вызывает дрожание ног —
и по-другому никто бы не смог.
Плевки на полу скроет масса газет
с большим отпечатком стахановских лет.

Под мертвые звуки сырой тишины
мы света небесного вновь лишены.
И черную копоть не смоеет успех,
а даст нам в награду предательский смех.

1992

* * *

Летят самолеты, идут поезда...
Но мне не нужна такая езда.
Ты пьян, друг мой рыжий, иди отдохни.
Иди кислорода немного вдохни.

Ты смотришь на окна потертых домов.
Ты видишь всю грязь жестоких дворов.
Тебе покажу я еще не такое —
ты будешь бояться ходить без конвоя.

Выбрось пакет, в котором твой ужин.
Последний вопрос еще не обсужен.
Буду стараться. И буду я внятлив,
но наш разговор не будет понятлив.

Отбросим упреки, забудем обиды —
ведь мы не ученые, даже не гиды.
Мы просто сидим тут. И здесь мы — всегда...
Летят самолеты, идут поезда.

* * *

Костер догорит,
отдымятся угли.
Истлев от бездействия,
сникнет зола.
Но вдруг сильный ветер —
она разлетится,

и людям с разгона —
прямо в глаза!

Проста арифметика:
два минус ноль...
Равно подведешь —
и получишь ответ.
Бесследно уйдет
поколение твое —
не всех потом вспомнят,
кто был, а кто нет.

* * *

Много ли толку
кричать втихомолку
и черную кошку искать в темноте?
Много ли толку,
воткнув в стог иголку,
сказать, усмехаясь: «Даю шанс тебе».

А много ли толку
вообще было в жизни,
когда ты стрелял и стреляли в тебя?
И много ли толку
услышал в словах я?..
В словах ее дерзких: «Прощай, я ушла!»

Зачем же любить,
если все это пошло?
Зачем все то строить, что рухнет опять?
Зачем же скрывать,
если все станет явью?..
Зачем же хранить, если можно отдать?

* * *

Тени дня
легли на ночь.
И луна совсем не прочь
поиграть...
Фонари
твердят одно,
что они нужней всего...
Но, как знать.

День прошел,
а был ли толк?
Ночь сейчас, а шум не смолк.
Вот эскиз:
облака
плывут на юг..
Жизнь идет в системе — круг,
а где приз?

Звезд не счесть...
Да кто считал?!
Я попробовал — устал:
нет основ...
Я один.
Луна одна.
Но вот скрылась и она.
Добрых снов!

КЛАД

Как-то в древнем лесу
найден был ценный клад.
Чему, собственно, я
до сих пор даже рад.

Дело было-то как?
Шел мужик, хлеб жевал...
Вдруг за что-то — спотык!
И на землю упал.

Потирая свой зад,
огляделся вокруг —
и на месте на том
усмотрел странный сук.

Что за черт, что за сук?
Начал он ковырять...
Быстро дело пошло —
в общем, начал копать.

Час копал, два копал —
пробирал его пот.
На исходе борьбы
откопал ветхий бот.

Чуть с обиды не взвыл,
и уйти уж хотел...
Но вот тут и сюрприз —
вдруг сундук заблестел.

Ну, мужик и воспрял —
странным звуком вздохнул.
Вмиг находку извлек,
с крышки мусор весь сдул.

Открывает сундук —
ну, а там — Боже мой! —
лежит куча монет,
сверху — крест золотой!

За сундук — и вперед,
поскорее домой.
Прискакал, словно конь,
и кричит, сам не свой:

— Посмотрите, что я
откопал под сучком!..
Как он мило моргал,
как махал кулачком.

Случай этот в лесу
всполошил всех вокруг..
На раскопках народ —
все с надеждой на «вдруг».

Вы спросили меня,
чему я то был рад?
Поделились со мной:
тот мужик — был мой брат!

* * *

Углы домов... И в свете фар
вдруг появился силуэт..
Роня тень на тротуар,
бежит непуганный скелет.
Расписан план на год вперед —
уклад разбит по пунктам весь.
Но он не выдержит зачет —
не видно лиц ни там, ни здесь.
Проблемой обернулся день.
Раздался возглас: чем платить?
Мозги сползают набекрень —
как трудно нынче стало жить.
Элита собралась в кулак.

Нашелся тост на посошок.
Воздвигли лозунг: «Будет так!»
А после был — всеобщий шок...

КРЕСТ

Я сбиваю гвоздем
две дубовых доски.
День опять принес дождь —
и в душе власть тоски.

В виртуальности мир —
поглотил всех туман.
Лишь круги от воды.
И лишь стоны от ран.

Кто-то правит игрой.
Кто-то что-то сказал.
Но я вижу зонты —
их считать я устал.

Мы скатились в обрыв,
но кругом тишина.
И под черным плащом
появилась она...

Под диктат облаков
стало солнце светить.
Крик с далеких морей
начал сердце щемить.

Я возьму молоток
и собью две доски.
Крест стоять будет здесь.
Он — хранитель тоски.

* * *

Все равно он подвел итог —
повернулись и мысли вспять.
Я резину тяну опять
и, ругаясь, ищу сапог.

Он смеется, бросая взор, —
будто хочет меня разозлить,
словно знает на что давить,
чтобы вызвать к себе укор.

Ну зачем мне твоя игра?
Испытал я уже судьбу,
превратив сонный бег в ходьбу...
Мне по-новому жить пора!

* * *

Покрытый весь белым проспект,
сжимает машины в кольцо.
За пазухой прячу конспект,
в котором — душа и лицо.
В котором — пугливая мать
прижала ребенка к груди,
сквозь время пытаюсь понять,
что ждет их двоих впереди.

* * *

Был построен мост.
Я стоял на нем.
И смотрел вперед.
И курил табак.

Шепот чьих-то слов
вызывал упрек —
словно сделал я
все опять не так.

И не страшно мне
было вниз смотреть.
И не скучно мне
одному стоять.

Было видно, как
там пути блестят...
И где их тупик
я хотел узнать.

И стучала кровь —
звучный стук колес...
Подо мною мост
тяжело дрожал.

Вот еще один —
шел он не в депо.
И как будто вслед
я за ним бежал.

* * *

Двойные шторы на окне —
безрадостное время года.
Жизнь постоянна в нашем сне,
не постоянна лишь погода.

Многоголосые мечты
плетут узором свои сети.

На крыше ловят мышь коты...
Себя ведем мы, словно дети.

* * *

На чистой странице читались буквы —
одна за другой,
составляя слова.
Горела лампа — и свет лучистый
боролся с тенью
большого стола.

Воскресный вечер не будет долгим:
пройдет еще час —
и диван уже ждет.
Вопросы на завтра со мною прилягут
и будут стрелять,
как шальной пулемет.

Прозрачные двери в мечту завлекают —
сон быстр на расправу,
а может, и нет.
День растворился, как сахар в стакане,
отдав свою дань
расточительству лет.

* * *

Ты раскинул игрушки
по разным углам,
отупев от игры
бесконечного смысла.
Ты, как старый медведь,
хочешь спать по утрам.

Молоко в твоей кружке
давно уже скисло.

Ты не хочешь смотреть
на унылый пейзаж.
Ты привык видеть все
только в розовом свете.
Твой игрушечный танк
въехал задом в гараж
и оттуда стрельнул
по железной планете.

Ты раскинул игрушки
по разным углам.
Свое слово, как камень,
ты бросил, не глядя.
Обустроенный факт
предложил старикам,
но при этом забыл,
что еще сам не дядя.

И твой верный солдат
вдруг упал на ковер.
За окном старый куст
зацвел огненным светом.
Ты безмолвно сидел,
разжигая костер,
и молчал, непрощенный
холодным рассветом.

* * *

Я уткнулся взглядом в землю —
вдаль иду.

Я закутал шарфом горло
и молчу.
Я в карманы сунул руки —
я замерз.
Не смотрите на меня так —
я не борз.

Я ногой пинаю банку —
пусть летит.
Не смотрю я на дорогу —
пусть гудит.
Все иду, а мои плечи —
как таран.
Не смотрите на меня так —
я не пьян.

Я построил в мыслях планы...
Ну и что?
И ударил себя по лбу
ни за что.
От неловкости на пол
упал мой хлеб.
Не смотрите на меня так —
я не слеп.

Я уселся в теплый угол,
ведь устал.
И зачем-то крикнул громко —
я не спал!
Добрый доктор спросит тихо:
«Что с тобой?»
Вколет что-то в одно место —
и покой.

* * *

В твоей прохладной спальне
играют две рубашки.
В твоей прохладной спальне
рвет девочка ромашки.
Цветов не так уж много —
весной их не сажали.
В твоей прохладной спальне
когда-то мы играли.

В твоём прохладном слове
играют злые ноты.
В твоём холодном взгляде
резвятся две заботы:
одна чуть-чуть постарше,
другая — пошустрее...
В твоём холодном взгляде
я становлюсь слабее.

В твоих прозрачных шторах —
баюканье под звуки.
В сердечных разговорах —
признание под муки.
Не надо больше споров,
гримас и жестов страстных.
В твоей прохладной спальне
нет больше дней прекрасных.

* * *

Я устал от ненужности
нужных всем фраз.

От бессмысленных образов
дней календарных.
Груз цепей на руках
перечеркнет все враз.
И услышу я скрипы
коленей ударных.
Все построено так —
как бы, вроде, и надо.
Как бы, вроде, идет
тот, который лежал.
Я не слышу набат,
но я чувствую — рада
та, которая ждет,
точа острый кинжал.
Бог Адад стал сильней,
и сгущает все краски.
Не уместен вопрос,
куда делся Атон?
Я шагаю вперед...
Я — железной закваски.
Только пули поют,
что поделен весь трон.

* * *

Душа упала камнем вниз.
Осенний дождь умыл карниз.
Из растревоженных небес
спустился образ и воскрес.
Громадной силы грянул гром.
На полпути застыл паром.
И кто-то вдруг заговорил,
а образ — вслед ему вторил:
— Пойдем!

Наивных слов
не надо больше говорить.
Найдем!
Найдем мы счастье
и сумеем сотворить
дителя...
Усни спокойным,
крепким сном моей любви.
Любя,
ты на прощанье
дату встречи назови...

Колеса крутятся вперед —
за ними время в такт идет.
Растут большие города.
Течет по улицам вода.
А в смутном сне опять — каприз:
душа летит не вверх, а вниз.
Настольный свет тень уронил,
и образ тихо проронил:
— Пойдем!..

* * *

Распоясались звери.
Гроза голос подала...
Бесконечная сказка
наконец-то устала.
Окольцованы руки.
Выжат газ до упора.
В отраженьях зеркал
нет ни счастья, ни горя.

Дни в бесформенном ритме
понеслись каруселью.

Доля четверти сна
будет им карамелью.
А потом на работу
люди шли странно-тихо.
Лишь небесный птенец
щебетал песню лихо.

В беспрепятственном слове
прозвучали три ноты,
дав туману приказ
прекратить перелеты.
Сбились в кучу осколки —
острием друг на друга.
И от этого веса
разлетелась подпруга.

Заунылый покой
разревелся закатом.
Весь народ стал горой
за отчизну и — с матом.
Передачи на завтра
поместили на титрах,
чтоб в насмешку придумать
жизнь, идущую в литрах.

Наш не пропитый опыт
принимает удары.
Мы прокатим тревогу
под стальные фанфары.
А усталую прозу
втиснем в рамку-границу.
И отпустим на волю,
как подбитую птицу.

* * *

Ты вновь ушла.
Ты вновь — с другим.
А мне остался только дым.
Устала музыка играть...
И ноты молча
пошли спать.
 Рацион
 воскресных блюд
 заказал веселый люд.
 Кому — смех...
 Кому — сок...
 А кому —
 девять грамм
 в висок...
Твои глаза —
они пусты.
А кошельки его — толсты.
И у него
в запасе ход.
И он о чем-то там поет.

Огни горят.
Я на лету
улыбку губ твоих ловлю.
Прошла еще
одна игра...
И нотам —
снова спать пора.

* * *

Его я надул и пустил в облака,
чтоб он показал всем крутые бока.

Резиновый шарик был весел и рад,
спеша на единственный в мире парад.

Без слов и без жестов, но он говорил —
не просто летел, а красиво парил.
В нем отражались мосты и дома
и Родины славной моей — закрома.

Увидеть хотел он, как люди живут —
уверовал в то, что его все поймут.
Все выше и дальше, и выше опять,
не зная, что с небом опасно играть.

Внезапно раздался жестокий хлопок —
мой шар разорвало на тысячу строк.
И в каждой строке — его глупый вопрос:
«За что меня так? Я ж еще не дорос...»

1993

* * *

Дело не в слове.
Тоска не в погоде.
Я — это дождь.
А дождь — ныне в моде.
Мода пройдет
и опять повторится...
Хочется очень
всем вам пригодиться.

* * *

По большому счету
нет большой любви.
Музыка играет
и горят огни.
Ничего не значит
сладкий поцелуй.
Подойди и молча
свечи все задуй.

Зеркала играют
отраженьем дней.
Ты — опять с ней рядом,
но среди людей.
И кругом — улыбки,
столики, вино...
Грациозность танца,
прямо, как в кино.

Приходите завтра —
ждем сердечно всех!..
Пролетело время,
прекратился смех.
Взгляд последний брошен,
гаснут вновь огни...
По большому счету
нет большой любви.

* * *

Новый год уселся на трон.
Старого — окончился звон.
По обычаю смены дней
волки превращаются в голубей.

Миротворец — песню завел.
Чудотворец — мусор весь смел.
Горстка свеже-ласковых слов
предалась молчанию снов.

Жидкая горячая смесь.
Наглая, противная спесь.
Я скатился в грязный обрыв —
мне помог в этом ветра порыв.

В искреннем бенгальском огне
чьи-то глазки строятся мне.
Но явилось чувство вины —
и пошла гулять вина вдоль спины.

Новый год — как старый палач:
снова слышан чей-то стон-плач.

Как-то молча миротворец ушел —
за собою всех достойных увел.

Голубая, звонкая гладь,
ты большим полям, словно мать.
Сохрани в себе дней успех,
ведь приходит Новый год для нас всех.

* * *

Я написал пролог
к известному роману.
Хотел я, чтобы мир
узнал про смысл слов.
Перо тряслось в руках,
а ноги шли к капкану.
И злые духи дня
забрались в тайну снов.

Уткнувшись взглядом в ночь,
ищу следы победы.
Лишь голова дурнеет
от бешеной езды.
Все в мире пересохнет,
и с ядерной торпедой
в небытие умчатся
правления бразды.

* * *

Пустые слова.
Пустой разговор.
Ты, вместо домов,
возводишь забор.

Заманчивый взгляд
горит в темноте.
Бумажный кораблик
плывет по воде.

Пятна чернил
портят сюжет.
Это — не правда,
но это — ответ.

Что кто-то не прав,
не надо кричать.
Так было, так есть.
И так будет опять.

Огромная власть
в огромной войне.
Твой крепкий забор
станет крепче вдвойне.

Любовь продалась
за пустой разговор.
Игра в жизнь и смерть —
необдуманный спор.

* * *

Много ли нужно песен?
Много ли нужно слов,
чтобы мир был чудесен
трех терпеливых слонов?
Чтобы ходилось ровно.
И не тонули суда.
Если беда, то — условно.
Если успех, то — всегда.

РОССИЯ

Твое отражение нелепо, поверь.
В морщинах лицо, в глазах — пустота.
Улыбка скривилась, как старая дверь,
а в редких движеньях — царит суета.

Ты что-то хотела, когда начинала,
когда собралась покорить целый мир...
Упавшие листья в карманы пихала
и вместе с собою брала их на пир.

Влезая в долги, и ответ на вопросы
искала открыто, у всех на виду.
Молчал календарь, и лишь ржавые косы,
как правило, были на полном ходу.

Прекрасные русские сказки о жизни!
Ты их всем читала, ты верила им.
И вот он, вопрос, до извечного пошлый:
«Куда же с тобой мы в итоге влетим?»

МОНОЛОГ С СЕГОДНЯШНИМ ДНЕМ

Макал ли ты хоть раз батон
в холодный суп больших окон?
И ел ли ты его вообще?
Иль ты воспитан на борще?

А пробовал ли ты гулять
по мокрым крышам — и не спать?
Не спать по несколько ночей,
пугая сонных голубей.

Не слышу я насчет ума...
Ты им не блещешь — это да!
Твой победитовый кулак
бил без разбора, просто так.

Но в твоей силе малый прок.
Я преподам тебе урок —
слова просты и прост пример...
А впрочем, ты ведь не Гомер.

Кричала стая воронья.
Окрестность ныла от вранья.
Был новый день на свет рожден,
а ты исчез, ты — побежден.

* * *

Конфликтующий факт
повседневной порой,
словно нож полосует
житейский покой.

Птиц испуганных крик
не понятно о чем.
Растревожит жену
за мужицким плечом.

Но не нам тосковать —
тоска жизни вредит.
Видишь, драка идет?
Кто-то в ней победит.

В чем конкретно конфликт —
все узнают потом...

А пока — крики птиц
за разбитым стеклом.

ПРО ЭТО...

Я посмотрел ей в глаза,
окинул взглядом все тело...
И началась вдруг гроза —
куда-то все полетело.

Улыбка аленьких губ
мила и сердцу приятна.
Из слов не вырублю сруб —
и что-то мямлю невнятно.

Легки движенья руки,
и поступь, как мягкий ветер,
плетет узором круги...
А за окном уже — вечер.

Коленки стали дрожать.
И как-то жарко мне стало.
О боже! Трудно дышать...
С нее одежда упала.

Улыбка тенью прошла —
свою одежду снимаю:
пускай увидит она,
как я гормоном играю.

И дальше — водоворот:
все в голове закружилось...
Вошел в крутой поворот —
и благодать воцарилась.

* * *

Не на шутку заводилось
ощущенье дремоты,
отчего внутри гуляло
чувство полной пустоты.
Не за пазухой родился
и, как все, был ученик.
Но однажды удивился,
посмотрев на свой дневник.

Нет, не струсил поэты
ношу тяжкую тянуть.
Не забыла мать куплеты
им в дорогу завернуть.
Безголосые оттенки
их в тупик не заведут...
Необъятные просторы
они с песней обойдут.

* * *

Почему прорастает сорняк —
познавали мы с раннего детства.
В спор вступали за каждый пустяк
в годы буйного малолетства.

Постулаты и догмы житья
в пору юности всяк отрицали.
Середину дороги пройдя,
смыслу жизни, как надо, не вняли.

До предела вопрос напряжен —
сколько можно бежать против воли?

Ведь на небе не будем нужны
без не сыгранной — главной роли.

* * *

Нескончаемой рекой плывут огни,
загоняя в душу мне слепую веру.
Но огням я временно не верю —
и пускай в плотину врежутся они.

Критик спал — запутался в безделках.
Я смеялся, когда надо было выть.
Но никто не думал ветрено прожить,
напиваясь на воскресных посиделках.

Всех послать... Быть одному в округе,
закурить и с матом побряхтеть —
и забыть, чего желал иметь,
находясь в прекрасном дыма круге.

* * *

Выдвину себя несмело
на призеры в чемпионы.
Сочиню одну поэму —
и посыплются короны.
И раскаркаются птицы
на весь мир о моем шаге.
Не захочется кому-то,
чтоб скрестились наши шпаги.
Я иду своей походкой,
вдаль смотрю и ем конфеты.
Трехэтажные бордели
продают свои буклеты.

И не надо больше песен
про любовь и состраданье.
Был когда-то мир чудесен,
а сейчас — воспоминанье.
В сумку все: медали, деньги —
дань беру, но не чужую.
Смотрят косо и зловеще,
будто я у них ворую.
Как шакалы, зубы скалят,
но напасть не хватит силы.
На замок закрыл амбарный
ваши язвенные пилы.

* * *

Неотвратимое начало —
начало всех безумных дел.
Ты близоруким был сначала,
а после — вовсе не удел.

Смеялось солнце над тобою,
не говоря о смертных всех.
Один на стенку головою
рванулся достигать успех.

Как ни вертелся, ни старался —
прошел дороги всех сторон.
Привычным жестом посмеялся
похабный подлости закон.

* * *

Оставь немного слов
для тех, кто не пришел.
Для тех, кто жил, но не пришел.

Оставь немного снов
для тех, кто не спал.
Для тех, кто любил, но не спал.

Пусть день споет
о смысле пути.
О тех, кто познал смысл его.

Оставь немного дней
для тех, кто просил.
Для тех, кто не хотел, но просил.

* * *

На сон грядущий
приходят мысли
о смысле жизни и о любви.
Не сколько пьющий,
а сколько пьяный
попробуй ветку ольхи сорви.

При чем тут ветка?
При чем тут мысли?
Я понастроил свои дома.
Большая клетка,
а в ней — не люди...
А может — люди, но не до дна.

Достану слово.
Открою краны —
бежит на волю вода ручьем.
Там будет тихо.
Там будет славно...
И там мы песню свою споем.

А в общем — комнат
на всех хватает.
Диван разложен и есть где спать.
Не надо думать
на сон грядущий —
пускай все мысли идут гулять.

АТЛАНТИДА

1

Усталый взгляд окинул горизонт..
Вы не спешили — это видно сразу.
Не помню дату, но тогда был нужен зонт —
огромный зонт, по срочному заказу.

Укрыться можно было, не боясь,
от всех зараз и непредвзятых бликов.
Но скептикам был нужен лишний раз
чтоб убедиться в немощности криков.

О Боги! Кто вас призывал,
следить за чистотой души порока?..
Смотри на них... Смотри, как погибал
последний род последнего пророка.

2

Не зря гремело небо.
Не зря гроза светилась.
На все живое в мире
природа разозлилась.

Смешались люди, звери..
Животные и птицы

тонули по приказу
разгневанной царицы.

Беспомощные крики,
пошады ждущих, взгляды...
Бесславно уходили
в подводные наряды.

* * *

Перо — в руке... И вот листок
еще один исписан в вечность.
Как нареканье на исток
и как предлог — на человечность.

Ведь все мы, люди, как ни странно,
живем с надеждой на успех.
Туда не вникнем, где туманно,
и часто ходим там, где грех.

Но «нет» сказав всему плохому,
я строю дом из легких слов.
Но не о тех — и по-другому,
а о себе и про любовь.

* * *

Баррикады вчерашних боев —
настежь двери разбитых домов.
Где найти растревоженный мир
и укрыться от взглядов багир?

Черной мантией кроет чума.
Тихо воет о куме кума.

Где-то вовсе не плачет никто.
Не осталось почти никого.

Все сметалось в кипящий котел.
Били молнии в древний костел.
Их никто не учил воевать,
но никто не хотел умирать.

И смешалось всеобщее Я —
ни один не ушел от огня!
Гнезда аистам больше не вить —
здесь теперь никому не прожить.

Чей-то взор устремился вперед.
Чей-то разум куда-то зовет...
Баррикады вчерашних боев,
сколько в вас закатали слоев?

* * *

Мне показалось, кто-то крикнул: «Стой!»
Я оглянулся и звезду увидел.
Она сияла давнею мечтой,
которую однажды я обидел.

Как странно, но она меня влекла.
И все казалось, что она — так рядом!
То ослепляла, то немного жгла
своим переполняющимся взглядом.

Не в силах притяженье превозмочь,
руками замахал и, будто птица,

поднявшись в эту сказочную ночь,
помчался, словно Божья колесница.

К тебе одной хочу скорей успеть —
на встречу с новым чувством озаренья.
Поверить, научиться, захотеть —
и за обиду попросить прощенье.

* * *

Уцененное желанье —
повалиться и подумать;
помечтать о жизни сладкой,
чего не было — придумать.

А что было — переделать
так, чтоб всем пришлось по вкусу.
Чтобы не было обидно
за разорванные бусы.

Так спокойно и уютно
прогибать кровать всем телом.
На плакат смотреть, вникая,
где она в прозрачно-белом.

Что за окнами — не важно...
Там — война, а здесь — штиль в море.
Мысленно проходят годы.
И добро бьет плетью горе.

В общем, все не так уж плохо.
Может быть, а может — все же?..
Уцененное желанье
стало для меня дороже.

* * *

Взорвались солнечные дни —
земля сменила лес на пни...
Одно лицо нашло на всех,
но не досталось всем доспех.

Настало время убивать,
бессмысленно детей рожать.
Им будет не на что смотреть,
а только плакать и терпеть.

Конвейер сталью зажуужал —
кто гордо шел, тот в грязь упал...
Да что там — грязь, не в этом суть,
а в том, что поздно повернуть.

Забыты ранги, имена —
в себя впитала их стена.
С нее не смыть всю кровь и грязь,
как, впрочем, и не смыть всю мразь.

Шевелится лишь божий дар —
его не взял войны загар.
Он будет петь. Он будет жить.
Он будет родину любить.

ПТЕНЕЦ

Я проклиная говорливое начало.
Я проклиная неудавшийся конец...
В июньском ветре вдруг тепла не стало.
В руках остался выпавший птенец.

И вот беда уже крадется, ухмыляясь.
Забилось сердце явно невтопад.
Я побежал и, за последний день цепляясь,
вмиг попадаю под холодный крупный град.

Его глаза затмились гневом супер-психа:
он входит в образ — и немеет мой язык.
Мгновенный выпад, кровь — и стало тихо,
лишь взад-вперед качает воздух мой кадык.
Игра не может продолжаться без замены —
я поднял руку и, хрипя, сказал: «Сдаюсь...»
Идут ребята из холеной юной смены,
я посмотрел на них и понял, что боюсь.

Не за себя — не смейтесь вы, мужланы.
Вы отрезвонили свое в гнилых дворах.
Все ваши грозные, редееющие кланы
остались жить лишь в ваших пропитых умах.
Знамена ваши — ниже небоскребов,
своим лишь цветом привлекают мух на пир...
Тем самым, раздражая землекопов,
копающих в наивный, новый мир.

— А кто тут смелый?! — Вдруг пришел в себя я. —
И кто из вас имеет право на показ?
Я начал драться, всех подряд пиная,
и щедрым жестом подписал не свой указ.
Что началось — ну просто шторм в семь баллов!
Поднялась ругань и всеобщее: «Вперед!»
Как много в нашей жизни каннибалов,
но больше все же тех, кого в расход.

Ушел шатаясь — человек-машина...
На сытой харе — дом, комфорт, уют.

На голове — огромная плешина,
в карманах денег — куры не клюют.
Ведь для него такое дело — наживное:
берет наживку и цепляет на крючок,
а когда клюнет этак что-нибудь большое,
он тут же поднесет большой сачок.

И никогда не будет ему стыдно
за то, что в суматохе таких дел
его поступки, выглядя солидно,
по сути, превращаются в пробел.
И от него идет крикливое начало —
за ним ползет безрадостный финал...
Об этом, видно, стая птиц кричала,
когда птенец с гнезда беспомощно упал.

* * *

Простая буквенная связь:
тебя убьет — туда не лазь;
туда — бегом; здесь — вход закрыт;
ни с места — кабель тут зарыт.
Ну, вот и все — сижу, как мышь.
Весна. Апрель. Водичка — с крыш.
И, вроде, можно погулять,
но — как приказ: «А ну — стоять!»
Нельзя ни слушать, ни спросить:
«А эту воду можно пить?»
И при подъеме — не шуметь!
При спуске — как орел смотреть.

По треснувшему льду, скользя,
я вам скажу: «Так жить нельзя!»

* * *

Людам приснился шухер —
шухер от всех людей.
Каждый считал себя правым,
был крепче железных гвоздей.

А тут — хоть и сон, но страшно:
шухер идет волной.
Все подскочили дружно —
и стали одной стеной.

Стеной не защиты, а бегства —
бегства от жизни своей...
И стало кругом неуютно.
И стало — не до затей.

Игры окончились — точка.
Пора отдавать долги!
Но люди выбрали шухер —
попробуй кого догони.

* * *

Я чувствую запах холодного лета,
и взгляды надежды летят стороною.
Прошел еще год в ожидании ответа,
чем прежде мечты я коснулся рукою.

Все дни превратились в экзамен на прочность,
унылая проза отрезала грани.
Я лезу с вопросом на явную колкость,
и может так статья — не выдержат ткани.

И может, не будет уже этих песен,
которые пели, когда петь хотелось.
Глухую гитару на стену повешу,
как будто поняв, что все это приелось.

* * *

Последние звезды остались гореть.
В назначенный час я могу не успеть.
Игрой манит даль.
Ковры расстилали, чтоб мягко ходилось,
но, как ни гуляли, — в душе поселилась
тоска и печаль.

Прошедшие годы напрасно смеялись —
они постепенно с тревогой смешались,
как было тогда.
Вернулся и встретил повторные сцены:
на жизнь человека лишь падают цены...
Грядут холода.

* * *

Ее полюбил я когда-то давно,
с нею ходил по дешевым кино.
И как-то сказал: «Женою мне будь
и, как паравоз, озари светом путь».

И надо же так — озарила она:
дорога вперед и только одна,
ни шагу назад и налево нельзя...
Во всем виноват только я, только я.

— Ах, горе-отрава, какая же ты!
Смотри, от тебя даже вянут цветы...

Несносная женка, ну — просто кошмар:
сосет мою кровь, как огромный комар.

* * *

Я спокоен.
Уносит ветер мои мысли в никуда.
Мой дом построен.
Есть колодец — и в нем чистая вода.
Все, вроде, гладко.
Рукой по бархату я медленно вожу.
На коже гадко,
ожиданье так жестоко, я дрожу.

На фоне неба
моргает солнце лучезарною стрелой.
Моя победа
не за горами, а за каменной стеной.
Подкидыш счастья,
как будто правильно поможет осознать.
Любви огласка
продолжает мою душу волновать.

Я спорил
с самим собой и с каждым, кто не понимал.
И когда строил —
мало слушал и по-своему измерял.
И вот ведь гладко,
но тревога будоражит мой рассвет...
Нет распорядка —
решить способного задачу многих лет.

* * *

Шум деревьев и крик —
это стон ночных грез;

это образ возник,
сотворенный из слез.

Я рисую тебя —
все черты наизусть.
Снова — эти глаза.
Снова в них — эта грусть.

Растворяясь, как тень,
наши руки сплелись.
Мы покинем тот день,
когда страсти сошлись.

Мягким шагом идем
вдоль безмолвных аллей
и святого зовем
благородных кровей.

Он придет не спеша,
наш хранитель, наш трон,
наша плоть и душа...
Мой — дурманящий сон.

Сердцу больно в груди —
оно ищет приют.
Наша ночь впереди...
Пусть деревья поют.

* * *

Тема завтрашнего дня
на сегодня не реальна:
будет ли твоя судьба
счастлива и гениальна?

Мир добра давно прогнал —
в нем талантам стало тесно:
тот, кто честь свою пропил, —
он играет в жизнь нечестно.

* * *

Хочешь, я покажу тебе солнце?
Хочешь, тебя научу любить?
А хочешь, я расскажу тебе сказку,
в которой ты сможешь жить?

А может, ты хочешь — море?
Так я его вмиг принесу.
Или пусть хмурые Альпы
покажут свою красу?

Тебе не надо рассвета?
Нет? Ну что ж, будет так!
Смотри на большого медведя,
который танцует гопак.

Ну, хочешь, я крикну громко,
чтоб все затряслось вокруг?..
Что ж, забери себе терем
и сколько захочешь слуг.

Хочешь?.. А впрочем — поздно,
сказка давно прошла.
И ты ничего не хочешь?..
Странная ты, душа.

* * *

Вот так вот — сесть
и написать

о смысле жизни и про суть,
чтобы когда-то
прочитать
и все к чертям перечеркнуть.
Чтобы когда-то,
осознав,
чего ты мог, а что хотел...
Ответы правильно
поняв,
себе сказать, что не сумел.

Ты не сумел создать
уют.
Ты поздно бросился искать.
Не смог, как все,
отдать салют
и даже ласково солгать.
Теперь вот — думай,
кто ты есть?
И сколько вешишь перед кем?
И прежде, чем
в застолье сесть,
задай себе вопрос: зачем?

* * *

Чепуха чепухе чепуху рассказала.
Чепуха чепуху даже слушать устала.
— Ну и чушь ты несешь,— чепуха говорит.
Чепухе чепушинная нота вторит:
— Ты послушай меня, вот у всех на слуху... —
Чепуха чепухе понесла чепуху.

* * *

Прелесть твоих синих глаз
я разбавлю жгучим йодом.
Подберу одну из фраз
и поздравлю с Новым годом!
Намекать не буду тонко
и не буду складно лгать —
кину взгляд презренно-колко...
Как смогла ты все проспять?

В этот год ты одинока —
мне с тобой не по пути.
Не хочу быть в роли кока
и к нулю бюджет свести.
Впрочем, тонкости не к делу —
балом заправляет снег.
Поступью совсем несмелой
ты пускаешься в побег.

Но не думай, что я следом
за тобой — остановить.
Я на зло всем этим бедам
по-другому стану жить.
Я дождусь весны расцвета
и пойду гулять на луг..
Медом пахнет от букета,
живность ползает вокруг.

СКУКА

Ничего мне здесь не мило,
и все чувства — резко вниз...
Стерто лето. Осень сгнила.
Птичка гадит на карниз.

И согнать ее нет силы.
Вообще — внутри я пуст.
Сохнут лужи, вянут листья,
оставляя голым куст.

Жизнь прикинулась базаром:
был бы бабой — заревел.
Что осталось, то — противно,
а что было, то — я съел.

В целом, все не так уж плохо —
скажет так лишь только лжец.
Но, когда смотрю на это,
один вывод: нам — конец.

* * *

Конечно, кто-то прав
в том плане, что не врет.
Для двух — важнее спор,
а третий — просто ждет.

А кто-то — ждать устал:
присел, прилег, уснул...
Воспользовавшись этим,
его — четвертый пнул.

А пятый, все увидев,
на помощь начал звать...
Шумиха, ругань, драка.
Шестой — скорей стучать.

Седьмой с восьмым — упали,
девятого прикрыв.

Десятка их сразила,
лицо свое открыв.

Одиннадцатый — струсил,
увидев зла оскал...
А в самом ведь начале
он это зло ласкал.

Сейчас, конечно, поздно —
двенадцать на дыбах.
Чертовское тринадцать
живет в своих мечтах.

Чем дальше — тем сложнее:
сто цифр — на сотню лет.
И снова — кто-то спорит:
— Кто крайний?
— А кто — нет?..

* * *

Я объявился вне закона,
стреляя в подлых и ворон.
Вокруг — глухая оборона
и злые псы со всех сторон.

Я наступаю, убегая,
не понимая, где и кто,
и, проклинать не забывая,
валюсь на вспаханное дно.

Земля дрожит и стонет матом —
на ней так много слуг войны.
Я не женат, я не был сватом...
Я лишь солдат своей судьбы.

Когда-то все же станет тихо —
и там поймут, кто был не прав.
Ну а пока — стреляю лихо:
пускай увидят все мой нрав.

Пуускай запомнят эти черти,
что жизнь свою отдам не зря.
Что я боялся, но не смерти,
и что любил — и сдох, любя.

* * *

Если где-то прояснилось,
то в другом оно — затмилось.
Что поярче, то — сильнее.
Кто богаче, тот — пьянее.
Но не в смысле фраз крылатых,
не в количестве пернатых,
а в проблемной сути дела,
когда молодость отпела.
Фактор грациозных мнений —
споры от неловких трений.
И естественно — ошибки
от обманчивой улыбки.
И обидные, и злые
эти зубы золотые,
необъятной, острой формы —
как преграда для реформы.
Едем мы научным клином —
у нас нет проблем с бензином.
Мы — туда, где прояснялось:
там ведь молодость осталась.

* * *

Сладкий газ
растворил твоё тело.
И душа будто стала немой.
В этот раз
лето быстро отпело,
не успев попрощаться с тобой.

Ты смотрела,
как день угасает
и куда-то плывут облака.
То робела,
то, черт его знает, —
им хотела вслед крикнуть: «Пока...»

Колыбельная
детства — умолкла.
Обернулась назад — никого.
Самодельная
старая кукла
не подскажет тебе ничего.

Ты уже
никогда не услышишь,
как тебя будут звать за собой.
Сладким газом
картину напишешь
и уснешь со своею виной.

* * *

Пустые страницы твоих дневников
могли бы впитать ещё много чернил.

Заметки, рисунки, палитру стихов —
все то, чем так долго ты пристально жил.

Но вот незадача — сломалось перо.
Неверным казаться стал пройденный путь.
Ты видел свой мир, уходящий в окно,
и знал, что его не возможно вернуть.

Могло быть все проще, но только не здесь.
Не в розовом платье надежда была.
Пустые страницы, в них — скрытая смесь...
На сколько же сложно все жизнь заплела!

* * *

Твои, разбавленные градусом, слова
впитались в мой,
прокуренный пиджак.
Твои, разбавленные градусом, слова
всем хороши,
но что-то в них не так.

Ты обещаешь показать запретный плод,
придав картине
нереальные тона.
Ведешь не прямо, а стараешься — в обход,
туда, где чувствам
улыбается стена.

Но, знаешь, я ведь в градусах — силен,
и пьян настолько,
сколько покажу.
Не любишь ты. Я тоже — не влюблен.
Поэтому — молчи.
Я ухожу!

* * *

По белому снегу
в серой шинели
бежит человек,
подобный мишени.
Бежит, пригибаясь
пониже к земле.
Он ляжет в нее,
повинуясь войне.
В прицеле лицо —
знакома картина:
рука с автоматом
слилась воедино.
Курок тянет жизнь
движеньем назад.
И выбора нет —
в рай или в ад.
Он громко кричал,
проклиная судьбу.
Сколько еще
осталось ему?
И сколько осталось
нам всем воевать
за свой родной дом
и за общую мать?..

* * *

Он дверь приоткрыл,
за которой весна.
Ты верь или нет,
но шанс выдан сполна.
И будет он ждать,
пока ты не шагнешь.

И то, что ты знал,
по-другому поймешь.
Так что — смело вперед,
познавай смысл свой.
Есть весна — улыбнись.
Дверь открыта — не стой.

* * *

Мы шли с тобой
под мягкий шелест листьев,
под тихие аплодисменты волн.
В огне горели
мои письма в вечность,
а вдалеке — звучал охрипший горн.

В огромном небе —
маленькие птицы.
У них — свой мир, у них — своя среда.
В колесах славы
бронзовые спицы
замены просят на стальные обода.

Посланцы ветра
принесли тревогу,
и берег счастья — жестко бит волной.
Я оглянулся,
а кругом — лишь тени..
Куда все делись? Где же я с тобой?!

1994

* * *

В нужном месте
в нужное время
на пышном тесте
ржаного семя
хлеб испекся,
но не был съеден...
Купить отрекся —
вспомнил, что беден.

* * *

Немые вопросы
заполнит сосед
своей идиотской улыбкой.
Возьмет мои спицы —
связать себе плед,
назвав все бывшее ошибкой.

Вяжи, Бога ради, —
тебе же видней,
когда и кому просыпаться...
Мой славный сосед,
ты — король королей,
но мне с тобой век не связаться.

* * *

Не царапал бы я этих строк,
если б знал, что они — смысл дня.

Нет ответа на то, сколько б смог
и на сколько хватило б меня.
Я не думал, что все будет так —
глупо будет и даже смешно.
Смотришь сверху — все, вроде, пустяк.
Внутри войдешь, — вроде, так не должно.
И, блуждая по грязным дворам,
попадаю в пустой коридор.
День разорван, как лист, пополам.
Дверь закрылась и вот — весь мой спор.

* * *

Тревожная песня горячих пустынь,
во рту оставляет горечь полынь.
Загадочна музыка, странен сюжет:
идет караван длинной во сто лет.

Свобода обманчива в знойных песках —
нету в ней правды, вся правда — в ногах.
Небо смеется, смеется шакал,
будто он знает, чей будет финал.

Грация образов, грация сна —
снова мираж, вновь картина одна.
Люди, как мумии, вяло бредут...
И сто лет, и двести — единый маршрут.

* * *

Звезды падали с небес.
Строили с камней дома.
Кто-то — больше любит лес.
Кто-то любит города.

Но не надо так шуметь,
словно мы — вселенский пир.
Нужно вдоволь потерпеть,
чтоб познать открытый мир.

Идол молится на дождь,
а вокруг — горят костры.
Кто-то точит тупой гвоздь
до предела, до поры.
Прорезает небо вдоль
отработавший заряд.
Разъедает рану соль —
разъедает всех подряд.

* * *

Большое окно
окинуло двор моим взглядом.
Сонное утро
прорезал чайника свист.
Приснилось мне то,
отчего захотелось — все разом...
И я поскорее схватился
за ручку и лист.

В банку варенья
макал я хрустящий батон,
задумчиво глядя в кружку
с чистой водой.
Одно искушенье —
другого не ждет за углом.
И сводится все к одному,
что я — болен тобой.

* * *

Мы перестали думать иначе.
Наши часы перестали ходить.
Достали соседи по дому и даче —
нам хочется мир чем-нибудь удивить.

Портреты «великих» смеются открыто,
но мы свои лица направим на свет.
Пусть знали они, где собака зарыта,
но ведь не спасли от пророческих бед.

Плохо — не плохо, все было не честно, —
рвалась душа в неземные края.
И там, по секрету, ей стало известно:
на культовой плахе не только Земля.

СТАВНИ

Деревянные шторы
скрипели
в поздний час,
не давая мне спать.
Будто песню свою
они пели,
словно что-то
хотели сказать.
И они рассказали о многом.
Понял я,
в чем их смысл состоит:
держат их в отношении строгом;
и душа у них
с горя скрипит.

* * *

Порочная вечность
хранит в себе тайны:
обманы, тревоги,
печаль и любовь...
Мы судим о жизни,
не зная, где правда,
сквозь пальцы смотря
на бурлящую кровь.

Тела истлевают
в немислимом темпе.
В огромной долине
мы ищем цветы.
На сотню вопросов —
нет сотни ответов,
и нету предела
в полете мечты.

Кто верил во что-то,
кто думал иначе —
тот мог тишину
разбудить своим я!
Но круг неразрывен:
что было, то — будет...
И термин порочной
получит земля.

* * *

Разбилась ваза об пол,
спугнув с окон голубей.
Не вынес тяжести стол —
огромной тяжести дней.

Они давили на мозг,
давили сверху и в бок.
То, вроде, — град или дождь...
И все — скорей на замок.

Замок закрытой души.
Замок забытых имен.
Их всех попробуй впиши
на боковины знамен.

Красива ночь наяву!
Ну, а во сне — пустота.
Ночь подминает траву,
и ее схема проста.

Идут один за другим,
ложатся молча и спят.
Из них — ты мог стать одним...
Стать тем, кому не простят.

Но ты ушел от войны
под тяжесть собственных дней.
Не ваза, если б — об пол...
Ты б и не вспомнил о ней.

* * *

Это этапы большого пути:
ты видишь дорогу —
и должен идти.
Зачем тебе мысли о жизни и том,
что будет завтра,
что будет потом?

Следы успевают исчезнуть, как тень.
И чем-то мешает
доверчивый день.

Уйти очень просто, придти не дано.
Но ты уже выбрал
из двух зол — одно.

Сливается небо в единый котел.
И ветер задует
холодный костер.
Тревога и слабость, и кое в чем страх,
что можешь погрязнуть
в нечистых делах.

Но эти этапы ты должен пройти.
Ты — вновь на дороге.
Ты — снова в пути.
Зачем тебе мысли о жизни и том,
что будет завтра,
что будет потом?

* * *

Мне надоела плохая погода.
Мне надоели сырые дни.
Я не люблю это время года.
Я не люблю черно-белые сны.
Я вижу в окнах немые сцены.
Читаю вывески на дверях.
Вокруг железо и дылды-стены...
И я записан в ряды нерях.

Мне надоели чужие взгляды.
Мне надоел молчаливый бег.
Я не вливаюсь ни в чьи отряды...
И я не мокну в разливах рек.

Я, словно карта в чужой колоде,
и мой порядковый — тридцать семь.
Но тридцать шесть в постоянной моде,
И я, возможно, мешаю всем.

Мне надоели пустые речи.
Мне надоел разговорный фарс.
Я не топлю коптящие печи —
и мне не нужен полет на Марс.
Я знаю точно, чего не знаю.
И не пойму — от чего же так?
Все те же вывески я читаю
и марширую под тот же флаг.

* * *

Молча, молча.
Тихо, тихо —
не устанет ночь идти.

Шаг за шагом —
шорох, шорох...
Как бы ближе подойти.

Лает, лает —
хочет ласки.
Хочет кушать серый зверь.

Зябнет, зябнет
без покраски
и без смазки чья-то дверь.

Знаю, знаю:
на рассвете
нас разбудит писк часов...

Видит, видит —
все он видит,
кроме наших глупых снов.

НОВЫЙ РУССКИЙ

Карандаши художников
рисуют кино —
в нем женщины роскошные
играют в казино.
В нем он сжимает пальцами
тугие кошельки.
Вокруг мигают лампочки
и пляшут мотыльки.

Куплеты современные
фальшивят невпопад.
Но оборот на сорок
раскрутит сей парад.
Едкий запах пепельниц,
сигаретный дым.
Дорога ведет к бару —
идут все за спиртным.

Стильный, яркий галстук,
пиджак на два борта.
Еще, пожалуй, рюмку —
и дама бьет вальта.
В красивую машину —
к подъезду стрелой...
Постель такая мягкая,
она рядом с тобой.

Ей нравится все это,
быть может, даже — ты.

Но больше — деньги, шмотки,
в корзиночках цветы.
Убойное начало —
в кино заметный крен.
Проснулся новый русский!
Дождались перемен.

* * *

Дом опустел.
Шаги затихли, у штурвала стала ночь.
Но я не сплю.
Уже в который раз — все спят, а я — не сплю.
И мчатся мысли в неземную высоту.
И мчится время,
унося покой мой прочь.

Дом стал не тем.
Все по-другому, и мне хочется бежать.
Но не судьба
все враз разрушить и пуститься в никуда.
Хоть и зовет меня красавица-мечта —
мне не возможно
эти цепи разорвать.

Дом был одним.
Одним из тех, что всех когда-то приютил.
Но вот он — пуст
и одиноко. Перед окном опавший куст.
И под ногами — невеселый снега хруст.
Мне не понятно —
за кого он заплатил?

И я не сплю...
Так и не смог смириться с тем, что я — не там.

Что я и дом —
сорвались в пропасть и летим ко дну вдвоем,
что обо мне не думал он, а я — о нем.
Слова на ветер —
в дань непонятым годам.

* * *

Странный вечер и танец странный
предложила ты мне.
Не пойму я, к чему все это?
Мы, как будто во сне.

Я плыву по течениям разным
и не вижу причал.
Бесконечная льется песня —
я таких не встречал.

Умолкают ночные звуки,
затишают шаги.
Завтра мы друг от друга будем
страшно как далеки.

И поэтому танец счастья
предлагаю тебе...
Равнозначную зону риска
мы утопим в вине.

* * *

Игрушечные горы
мы долго собирали.
Раздав друг другу кукол,
во взрослых мы играли.

Играли и играли,
а горы все полнели.
На незаметном слове
они вдруг и взлетели.

Мы подожгли ботинки,
шнурки, рубашки, майки,
трусы, штаны, жилетки
и фирменные байки.
Игра прошлась по форме
из основных ответов.
Отличная проверка
романтиков-поэтов.

Запретные разделы
мы больше не читали.
Связав себя телами,
мы девственность теряли.
Пушай все догорает.
Пушай столкнуться горы.
И сладкий пепел детства
озолотит просторы.

* * *

Непонятный союз —
между мышью и кошкой,
между волком и зайцем,
между мной и тобой...
Никаких нету уз
у уха с сережкой,
и тем более нет —
у картин со стеной.

Просто-напросто все
мы придумали сами —
набросали сюжеты,
пустили в прокат.
Вещи были немыми,
мы же были — с усами.
И у нас есть бюджеты
и есть сотни лопат.

Нам раскопки союза
в этих спорных моментах
между вечных вопросов —
по горло стоят.
Ничего ведь не стало
между мышью и кошкой,
между зайцем и волком...
Все живут — как хотят.

ДОРОГА

По дороге, истертой колесами,
молча катится жизнь прошлых лет.
За ней следует тень беспокойная,
тень надежды, мечтаний и бед.
А дорога — все время играет:
то подымет, то — камнем вниз.
Вдруг сломается и починится —
в общем, разный у ней каприз.

По дороге, истертой мозолями,
молча шаркает дряхлый старик.
Правда — выпита, ложь — исчерпана:
впереди его ждет тупик.

* * *

Давай — просыпайся!
Забудь, что ты видел во сне.
Вставай, умывайся
и шторы раздвинь на окне.
Что было, то было —
всему свое время придет.
Пусть осень уныла,
но в ней каждый что-то найдет.

Начало не ново,
но трудно всегда начинать.
Все то, что знакомо,
придется опять познавать.
Ты груб и невесел,
но толку от этого — ноль.
Ты создал сто песен...
Сто первая вызвала боль.

Есть выход из правил —
его не убить суетой.
Чуть газу добавил —
оставил других за спиной.
Но правда не в этом —
живет она только в тебе.
Ложись, но при этом
забудь, что увидишь во сне.

* * *

На моих словах — запрет.
На моих руках — замок.

За плечами — жизни срок...
Впереди — блестит рассвет.

На моем пути — столбы,
и они все время врут...
Те, кто рядом, очень ждут,
когда будут биться лбы.

На моей картине — дрянь,
я не внес в нее тепла:
вся фантазия ушла,
чтоб не видеть эту грань.

Но мои глаза — со мной,
хоть на них — разлуки шрам...
Я залью в них сотню грамм —
и вперед по мостовой!

ДЕСЯТИКЛАССНИК

На часах ровно столько —
сколько надо тебе.
Фотография примы
на огромной стене.
На полу — мелкий мусор,
в кармане — дыра...
И письмо без ответа.
И планов — гора.

Стул упал от нажима.
Чай заварен на всех.
Вызов матери в школу
вызывает твой смех.
Нереальные мысли
хуже долгих ночей.

Ты не стал торопиться
быть одним из людей.

Взор покинула ясность —
облака правят днем.
И опять эта дырка
в кармане твоём.
Право выбора пало
на сезон без тревог.
Но ведь так не бывает —
ты б и сам так не смог.

По часам была полночь,
а теперь — на них пять.
На часах ровно столько,
сколько можно молчать.
И поэтому письма
без ответа на год...
Десять классов — не выход,
а всего лишь проход.

* * *

Пуškai я тот, которого не ждут.
Пуškai один, но вовсе не дурак.
Пуškai все ищут — и в конце концов найдут.
А не найдут — так это же пустяк.

Пусть я молчу, но вижу ведь насквозь.
И двери пусть сегодня все закрыты.
Движенье есть и в слякоть, и в мороз...
И я — являюсь частью вашей свиты.

* * *

Знак вопроса поставлен
над сегодняшним днем:
уважаемый город
поперхнулся огнем,
улетают страницы
календарных картин...
Больше нету печали —
на нее карантин.

Кольца сизого дыма
с вида скроют сюжет —
это будет расплата
былых сигарет.
Быстро жизнь растрепалась
по обыденным дням,
мимо всех остановок
и по разным углам.

* * *

На голую правду
ложился запрет —
тем самым мешая прогрессу.
Он выкачал все,
что копилось сто лет,
оставив из мрака завесу.

И правда пошла
с той запретной поры
с какой-то печалью туманной.
Где были дома —
там и были дворы,
но в них правда была незваной.

БЫТ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Пусть все будет там, где есть.
Будет место, где присесть.
Будет правда, будет ход,
в синем море — пароход.
Среди множества идей
есть деревья без корней.
Солнца выделенный луч,
к нам стремится из-за туч.

Но сущность наша не проста —
нету денег, нету сна.
Деньги есть, сна — снова нет..
Вот и думай в чем ответ.
Так что — будет все, как есть.
Странно только — не присесть,
и часы идут, идут..
Им то что — их все поймут.

ТЕНЬ

Две улицы кончаются стеной,
и я иду по темной стороне.
Меня не остановит постовой,
а лишь прохожие пройдутся по спине.

Я — тень! И этим сказан весь мой смысл.
Я — тот, который следует за ним.
Его я — брат, его — движенье, его — мысль..
На странном сленге иногда мы говорим.

Я знаю, что он, в сущности, не прав,
затевая бесполезный марафон.

В той книге не хватает нужных глав,
в которые так свято верит он.

И вот — идем: он — прямо, я — внизу,
и он слюной в меня пытается попасть.
Я превращаюсь то в тревогу, то в грозу,
по десять раз меняя свою масть.

Стена!.. И дальше некуда идти —
я раздвоился перед светом фонаря.
Он закричал, пытаясь дверь найти,
заставив это делать и меня.

Но дверь в стене не сделал рифмоплет —
готов был я к такому, а он — нет..
Устав стучать о книжный переплет,
сидим вдвоем и молча ждем рассвет.

Настало утро, близок мой финал:
я, пожелав ему удачи, был таков..
Он на прощание поставил мне фингал
и спать пошел в страну чудесных снов.

1995

* * *

Вряд ли что-то будет,
когда движенья нет.
Осень не забудет,
зима не даст ответ.
И все пойдет, как прежде,
должно как все и быть...
Дать умереть надежде —
так значит и не жить.

* * *

На чудесном небосклоне
разгорается звезда.
Ждать нет силы,
стихли пилы.
На огне кипит вода.
Лесорубы строят замки
вниз по берегу реки.
Со страховкой
и сноровкой.
С толком мастерской руки.

На рассвете все увидят
измененный силуэт.
Окна, двери,
пни, качели,
от подъемника лафет.
Стены небо подпирают —
долго им теперь стоять.

Дух крепчает,
впечатляет..
Жаль звезды не увидеть.

* * *

Начинались дела —
было все для сюжета:
нескончаемым маршем
мысли топали в ряд;
был покой, и под водку
была сигарета;
под настрой — была песня,
под праздник — наряд.

И венчались успехом
угловатые фразы.
И казалось, что можешь
и должен уйти.
Под дешевым сукном
лежали алмазы,
но не смог их никто,
когда надо, найти.

Дни летели, летели
в надеждах и просто.
Не хотелось ни думать,
ни ждать свой черед.
Ожидание чуда
не сделалось черствым,
но свелось к одному:
или — нет, иль — везет.

И вот тут сон исчез,
доказав, что он — дырка.

Или, может, хотелось,
чтобы он ею был?
Все сюжеты смешались,
оставив картинку,
на которой не видно,
что в горячке забыл.

А забыт был успех,
которого ждали,
начиная с погоды,
кончая судьбой.
Несомненно, он был,
когда крепко все спали.
И теперь тоже есть,
но уже за стеной.

Растревоженный улей
в голове закружился —
мысли стали сбиваться,
мысли стали болеть...
Разлинейный план
о реальность разбился,
а земле под ногами
захотелось гореть.

Приходите взглянуть,
как мы пляшем чечетку.
Поспешите увидеть
раздвоенный мир.
Вместо книг о любви —
мы купили путевку
и, на все наплевав,
покатили на пир.

Будет праздник немых
и безликих портретов.
Будет пьяный угар
дряблых, высохших тел.
Все смотрите на нас —
на седых и брюнетов!..
У нас все сейчас есть,
кроме стоящих дел.

* * *

Забвение всех чувств.
Взгляд брошен в никуда.
Костер залит водой.
Закрыта мглой луна.

В ночи — лишь ветра шум,
дверей раскрытых скрип;
их монотонный ритм
безжалостно охрип.

Душа кидает вновь
немой вопрос судьбе...
Пройдет и эта ночь —
нет равных ей в ходьбе.

Порыв холодных дней
несет в себе упрек.
Ты этого хотел —
и взял, но не сберег.

* * *

Факты подтверждаются,
немного погода,

когда столбы шатаются,
и пешку бьет ладья.
Когда в порыве буйственном —
об стенку головой...
Или с плакатом двойственным
ведешь всех за собой.

Разводят руки умники —
дурные, мол, вы все.
Мол, все вы были сделаны
на черной полосе.
И харей не умытою
суетесь не туда.
И совестью пропитою
гордитесь, мол, всегда.

Лицом к двери повернутый,
стоит корявый пень.
В его тени растрепанной
работу давит лень.
И факты все слагаются
в один огромный знак...
И вновь столбы шатаются —
и смерть, за просто так.

* * *

Приходит время
все переиначивать —
менять эмблемы на тупые якоря.
Все то, что нажил,
потеряет значимость,
а то, что прожил, то и прожил зря.

Приходит время —
ставить с ног на голову,

и ею окунаться в мир проблем,
когда минута
обернется вечностью,
чтоб стать одним мгновением затем.

Приходит время
с этим временем прощаться.
И все пропавшее не ищется, а ждет.
Круг не сужается,
а плавно расширяется,
и верится, что снова все придет.

* * *

От весенних дождей
не осталось следа.
От бессонных ночей —
только тень и луна.
От твоих сладких слов —
лишь осадок в душе.
От пьянящих глотков
нету толку уже.

От железных дорог
отдает вибро-звук.
От ненужных тревог
я уеду на юг.
От соленых морей
веет силой воды.
Среди тысяч людей
мне не встретишься ты.

От зари до зари
время мчится стрелой.

От костра — лишь угли...
Не пора ли домой?
От ночи до ночи
снова мне не уснуть.
Хоть ты встань и кричи:
— Я хочу все вернуть!..

По весенним дождям
не блуждается взгляд.
А бессонным ночам
я теперь только рад.
От твоих сладких слов
на душе так тепло.
От разлуки-любви
вдохновенье нашло.

* * *

Ворвался ветер, разметав повсюду пепел.
Я вздрогнул — сон исчез, как не бывал.
По телу дрожь: я снова слышу речи —
тревога гонит... От кого я убежал?

Холодный дождь лицо царапает когтями.
Я спотыкаюсь, убыстряя мелкий шаг.
Что это было? Я пока еще не знаю,
и неизвестно — встретит друг меня иль враг.

Вокруг темно, что можно лоб разбить о землю.
Я пригибаюсь, словно волк, ищу следы.
Небесный гром проклятья шлет кому-то сверху,
кидая взор на телефонные столбы.

Сверкнули молнии — и в отблесках их лица...
Я вижу вас, идите же ко мне!

Еще чуть-чуть... но обрубают встречу пропасть —
и я почувствовал, что быть им всем на дне.

Нет криков, нету стонов, нету боли —
один стою, весь мокрый и пустой.
Гром затихает, молнии не светят...
Мне жаль себя, и я хочу домой.

* * *

Незыблемы они —
эти ночи и эти дни.
Эти встречи и расставанья,
эти радужные мечты.

Кто есть кто
под этой маской кино?
Под этим взглядом или упреком,
или под тем, чего нет давно?

На том стоим:
от одних — ждем, другим — дадим...
Будет, что вспомнить и чем гордиться,
и чему радоваться самим.

* * *

Ты ни здесь и не там.
Ты не в будущем и не в прошлом.
Ты не веришь словам —
и особо дотошным.

Ну не верь — Бог с тобой,
кто тебя заставляет?

Будь самим и собой —
и тебя все узнают.

Будь попроще, чем есть,
но серьезней, чем будешь.
Прилетя, знай, где сесть.
Улететь не забудешь.

Выбор вечно стоит:
не один ты с ним трешься.
С прошлым все не сгорит,
ну а после — сочтешься.

И когда быт не в лад —
улыбайся реально.
В жизни рай есть и ад —
остальное банально.

* * *

Померкнет свет в глазах
от высохшей любви.
Никто не даст совет —
сам выбрал, сам плыви.

На поиски нет сил —
на средства не богат.
Не хочется вперед,
но нет пути назад.

* * *

Вся ночь беспробудно заснула.
Ветер устал и затих.

Прохладой волнующей носится
мой недописанный штрих.
Покой, с одурманенной верою,
в наивный и правильный мир,
в постели, измятой вопросами,
заставит «построить» трактир.

Есть сон, и есть тень зазеркальная.
Есть правда, и есть — сто дорог.
Но лежачий идти не получится.
И завтрашний день — не итог.
Все вертится быстро и медленно.
Меняется все невпопад.
Я сплю или нет? Нету разницы:
все письма — в один адресат.

Манящие шорохи улицы
уткнулись своей гранью в грань.
Все мысли о том, что не сказано,
внезапно умчались, как лань.
Вслед ветер очнется раскатисто —
погонит, что должен он гнать.
А мне предстоят только поводы,
чтоб думать и думать, и знать.

* * *

Одной дорогой едем мы —
одни дома, одни столбы.
Одни — лежат, одни — стоят...
А мы все едем строго в ряд.

Одним мгновеньем мы живем.
Одной заботой — день за днем.

За окнами уже метель...
Одно желание — в постель.

Одна большая голова.
Одни не нужные слова.
Одно — на всех. И всем — одно:
тоска, печаль, мечты, вино.

Мы будем вечно вопрошать —
не выть, не плакать, не дрожать.
Мы будем молча поглощать
все то, чему учила мать.

Спокойной ночи, темный город.
Спокойной ночи, мост, река.
Повыше — серо-черный ворот,
и взгляд построже — в облака.

* * *

Когда осень соткала ковры
из желтой, опавшей листвы —
я по ним молчаливо бродил,
вспоминая, как я раньше жил.

Вспоминая всех тех, кого знал,
по таким же коврам с кем гулял.
Осень знает, как душу достать:
в эту ночь не придется мне спать.

* * *

Мне в слова твои поверить —
душу дьяволу продать,

погрузиться в мир иллюзий
и потом всю жизнь страдать.
И кружиться в словоблудстве,
слушать ложь и быть святым,
утешаться ожиданием
вместе с похотным желанием...
И сгорать огнем пустым.

Я противлюсь твоим чарам.
Я пугаюсь твоих слов,
но они в меня всосались,
словно стая комаров.
И в упадочном бессилье
я готов в тебя войти,
утешаясь покаянием
и нелепым восклицанием:
— Нет другого мне пути!

* * *

Пройдите мимо этого пейзажа —
не надо видеть в нем свою любовь.
Вам не понять терзания от сглаза.
Вам не узнать, какого вкуса кровь.

Вы все чисты, как белая рубашка,
и вы богаты, но не навсегда.
И вам не вспомнить Колю-первоклашку —
у вас теперь седая борода.

* * *

Я вторгся в пламенную ночь
своим неспящим нравом,

пытаясь сущность растолочь
умишком своим правым.
Пытаясь как-то разобрать
расклад былых ошибок
и, догмы в очередь собрав,
построить цепь улыбок.

Я вышел в эту тишину,
с души сняв покрывало,
чтобы, раскрывшись, улететь —
куда она позвала.
Чтобы поверить еще раз
в свое предназначенье.
А утром — весело сказать:
— С днем нового рожденья!

* * *

Ты не знаешь,
где кончается эта дорога.
Ты не видишь
рельефную местность границ.
Ты гуляешь —
и гуляет с тобою тревога.
Ты поешь —
и поет с тобой озеро птиц.
Нету мыслей —
нету целей, к которым стремятся.
Нету правды.
И рядом с тобой — никого.
Колкий ветер
над тобой будет долго смеяться.
Знает он:
за спиной у тебя — ничего.

Ты молча бредешь вдоль пошарпанных стен,
фонарные тени берут тебя в плен.
Ты можешь оставить здесь только следы,
которых не станет с приходом зари.

ДАВАЙ

Давай раскрасим этот мир
безумными словами.
Возьмем вина, устроим пир
под злыми небесами.
Пусть все играет и шумит —
пускай земля трясется.
Пусть все рванет, как динамит,
и эхом пронесется.

Давай разбудим океан,
чтоб волны камни ели.
Пусть дробью льется барабан
и кружатся качели.
Пускай летит твоя мечта
с попутным ветром вровень.
Вот — твое платье и фата,
а вот — мой жизни корень.

Давай не будем забывать,
что мы с тобой, как птицы.
И если так — давай летать,
покажем людям лица.
Пусть все увидят наш каприз.
Пускай смешают краски.
Мир вверх ногами — не сюрприз!
Мир на боку — не сказки!

* * *

Улиц цветных мимолетные взгляды.
Возгласы пьяниц и ругань девиц.
Серой милиции злые наряды.
Гордые стаи некормленных птиц.

Псы в подворотни кусают бродягу.
Идет на зачет белобрысый студент.
Ищет рука безотказную флягу,
чтобы хоть чем-то разбавить момент.

* * *

Мы в безупречности роскошной
искали свой забытый мир.
Среди хламья и захолустья,
среди запущенных квартир.
Наш взгляд блуждал по поднебесью
и были мысли далеки.
Мы так искали, что шли мимо
просящей помощи руки.

Забыт весь мир — перечеркнули.
Забыты радость и печаль.
На разлинеенной тетради
есть только вспаханная даль.
Есть только право взбаламутить.
И есть возможность — оправдать.
Никто не будет безупречен,
но каждый хочет — вновь искать!

* * *

Без причины
невозможно разобраться —

буду долго и безропотно ходить...
Главное,
чтоб в пропасть не сорваться
и башкой дорожный знак не сбить.

* * *

Молчание круга — разрыв изнутри...
Я снова в колонне, ползущей на пни.
Пусть пройдет месяц, за ним — целый год...
Когда-то все это мне память вернет.
Закрытые окна и двери под ключ.
Над крышей проносятся тени от туч.
Идти невозможно — кругом лабиринт.
Спасти только может отчаянный спринт.

ТОСТ

Я с ним поспорил —
он был явно пьян.
И мне хотелось доказать свою победу.
Я говорил,
махал руками и кричал,
внутри себя взорвав нервозную торпеду.

Он молча слушал,
головой кивая в такт.
Не забывал, конечно, на закуску.
В его движениях —
все было кое-как.
Его программа не была готова к пуску.

Я и про жизнь,
и про любовь ему трезвонил —

хотел, чтоб понял он, в чем смысл бытия.
Что он не прав,
что лишнее позволил,
что лев — не царь, осел — не туп, а хряк — свинья.

Он понимал,
а может, мне казалось?
А может, просто про меня давно забыл?
Сидит себе —
глазенками моргает,
тем самым, мой затравливая пыл.

Ну, я и — все:
в бессилии угарном
сажусь на стул и что-то там пою...
Он вдруг встает —
в руке стакан — и восклицает:
— Я пью за то, чтоб попадали мы в струю!

* * *

Спящие лица застыли в печали.
Спали деревья и ветра не ждали.
Кто-то был лишним в житейской упряжке,
хоть и родился в счастливой рубашке.
Дни пролетали, как птицы над морем.
Дни пролетали над счастьем и горем.
Пальцы на клавиши жали несмело,
но песня молчала — душа опустела.

Мысли бросались, как дикие звери,
лезли сквозь окна, ломали все двери.
В них бы поверить, да дело пустое:
правда — в вине, после века отстоя.

Так что — пусть спит, безнадежное племя,
в землю воткнув свое чахлое семя.
Ветер, как раньше, сорвет их посевы
и спрячет в корзину тоски-королевы.

* * *

Ты смотришь в окно,
а я — смотрю вниз.
Ты видишь — стекло.
Я вижу — карниз.
В бездействии сны.
В бездействии ночь.
Намокли холсты
и мысли все — прочь.

Не думать про жизнь.
Не думать про нас.
Забыть о словах
про любовь в первый раз.
Ты знала, как жить.
Ну, а я же — не знал.
И тонкую нить
гордым шагом порвал.

Пусть дождь смоем все —
он вправе идти.
В потоке людском
мне тебя не найти.
Ты где-то в окно
смотришь мимо меня.
Как жить будешь ты?
И как стану жить я?..

МАНЕКЕНЫ

Городская «пустыня» —
в полумраке продуктов своих.
Манекен — за витриной
среди множества лысых других.
Я и он — друг на друга
молча смотрим глазами в упор.
Он — не друг, не подруга,
а рубаха его — вечный спор.

Ветер листья гоняет —
вслед за ними сбегает тепло.
Мне ничто не мешает —
только этой витрины стекло.
И за этой преградой —
мог бы я точно так же стоять.
Но не стал день оградой —
и могу пока вольно дышать.

Городская «пустыня» —
пролетел чей-то порванный зонт..
Я иду вдоль витрины —
мимо ставших в бесформенный фронт.
Их глаза беспокойны.
Их одежды — квадратный овал..
Манекены покорны.
Непокорных — уносят в подвал.

1996

* * *

Духи хотели
 плотской любви.
Ангелы пели
 о сладкой погоде.
Черные туфли
 были не в моде...
А Бог поучал
 своего визави.

* * *

Я против воли мирового чувства —
мое имущество подвластно только мне.
Среди вранья и полного кощунства
я утону в дурманящем вине.
И пусть трясет незыблемую вечность —
придется жить, как я того хочу.
Со временем уйдет все в бесконечность,
но смысл жизни все ж я получу.

* * *

Каждому — свое
в этой суете.
Это — не мое.
Это — не тебе.
Счастье было близко.
Близок был успех.
Но — трава так низко.
И так низок — смех.

Вроде, ведь и было
то, чего хотел.
Лето мягко плыло,
а сентябрь пел.
Но на то и горечь,
чтобы портить вкус.
Я подамся в горы
покорять Эльбрус.

Но Эльбрус — на карте,
и закрыта дверь.
Я был не в азарте,
чтоб развеять лень.
Лишь кулак дубовый
в стену глупо бил.
И закат багровый
над глазами плыл.

Пусть сорвется птицей
недовольный взгляд.
Я горжусь синицей,
а журавль, гад,
пролетел сквозь руки,
словно меня пнул,
в облаках оставив
непонятный гул.

Я считаю метры,
пройденных шагов.
В спину дуют ветры
нехороших слов.
Она где-то плачет.
Он чего-то ждет.
Но тому лишь хватит,
кто свое найдет.

* * *

Снег скрывает следы,
проходивших вчера здесь людей.
Нету веры и правды на то,
что вернется желанье ночей.

До сих пор не пойму —
для чего нужен мне этот путь?
Я стою у окна, жгу огонь,
чтобы, снег растопив, повернуть.

Взгляд хрустальной искрой
то зажжется, то — снова погас.
Повторение было всегда, но теперь —
это новый рассказ.

Снег скрывает мою,
не нашедшую веру в любовь.
Мне придется уйти,
но я завтра приду сюда вновь.

Пусть расклеилась жизнь,
как бумажный игрушечный дом.
Но в столе лежит клей...
Мастерская моя за углом.

* * *

Кому-то быть правильным
в жизни дано.
Кому-то — все знать,
а кому — все равно.

Тебе вот — смеяться
охота до слез.

А он — любит врать,
и это всерьез.

Один — вон, сидит
от звонка до звонка.
А тех, пятерых,
ждет экспресс «воронка».

Те, двое, — вступают
в интимный тандем.
А третий — их видит
и тает, как крем.

При деле, с размахом
народец живет.
Отныне и вечно —
назад и вперед.

* * *

Когда я смотрю на твои города,
мне ветер поет о твоей красоте.
Наверно, так было и будет всегда:
во взгляде — покой и слова — на листе.

Я слышу раскаты в твоих небесах.
Я вижу, как дождь грязь смывает с окон.
Придет безрассудству всезнающий крах,
и церкви отпустят молитвенный звон.

Наверно, так надо, чтоб смысл искать,
чтоб тикало время в потоке толпы.
Наверно, за лучшее нужно страдать,
чтоб было понятно, кто я и кто ты.

Когда я смотрю на свои города —
мне ветер поет о земной красоте.
Запомнить ее я хочу навсегда...
И эти слова — мой подарок тебе.

* * *

Всех книжных героев
сменили на общий портрет.
Отказ от устоев —
и мы выбираем ответ.
Для нас он не будет
таким же, как дождь для полей.
Лишь время остудит
от свежих и горьких идей.

Все смытые фразы
мы вновь возродим среди нас.
Тупые указы
не смогут разбить наш баркас.
Смеются рассветы,
но мы их — закатами в лоб!
И снова ответы...
И снова без устали — в гроб.

* * *

Взор отупел...
На улице был ветер,
который разносил
с деревьев падшую листву.
Октябрь...
Такой же, как всегда, но не такой —
хотя все ходят
по дороге через сад и по мосту.

* * *

Ты знала мою странную судьбу.
Я верил в чудо,
как никто на свете.
Твои глаза
при тусклой сигарете
дарили мне пространства пустоту.

Я уходил, рассвет ногой пиная,
как будто
в этом кто-то видел толк.
Ты улыбалась,
а в душе — был волк...
И мчалось время, нервами играя.

Ты знала, — ты хотела это знать! —
что чувствую
я отдамся безнадежно.
И, словно кошка,
мягко, осторожно
ты принялась мою судьбу ломать.

* * *

В этой картине не было красок —
кисть не принес колонок.
Смазливое небо, упрямые тучи
нажали последний звонок.
Хотелось жизни,
хотелось веры
среди вот этого танца без меры.
Но больше хотелось —
почувствовать вкус любви.

В этом упрямстве не было толку,
и спор не решал мерзкий мат.
Птицы накаркали или люди?..
Ни этим, ни тем я не рад.
Хотелось денег,
хотелось драться —
лишь бы в этом тряпье не остаться.
Но больше всего —
просто хотелось уйти.

В этих раздумьях нету покоя —
есть лишь незримый страх.
Кто мне докажет, что мир не построен
на трех идиотских китах?
Хотелось ветра,
хотелось бури —
чтоб с головы поубавилось дури...
Но больше хотелось,
во всем разобравшись, уснуть.

* * *

Упрекай меня, упрекай —
я сегодня
полон сна и бездумья.
Душу мою, грешную, не ласкай,
а сразу уводи
в плен полнолуныя.

Я сегодня напрасно жил,
если это
так назвать можно.
Молча ел и без жажды пил,
На вопросы
отвечал односложно.

Я сегодня — грезил мечтой,
той,
которой все отравились.
Мне не надо было звать за собой
тех,
за которых вы не крестились.

Мне бы самому под алтарь
на колени упасть
и молиться...
Упрекай меня, только не старь —
я еще смогу
возродиться.

* * *

Нам не вернуть вчерашний день,
который был забываем.
Старо, как мир —
ну и Бог с ним.
Мы ничего не потеряем.
Нам просто хочется тепла —
не потного, а для согрева.
Трещат мосты.
Гниют кресты.
И ходят женщины налево.

Мы будем помнить, но не ждать
того, что может совершиться.
Нам нужен мат,
как компромат,
чтоб иногда собой гордиться.
Ведь во вчерашней суете
мы были быстрыми гонцами...

А впрочем, нет —
на бег запрет.
Вчерашний день ушел с концами.

* * *

Она плыла,
как льдина в океане,
изгибом талии подчеркивая ночь.
В ее глазах
тонули магазины.
И я тонул, и некому помочь.

Дул ветерок,
играя ее шалью.
По сторонам носились шумные авто.
Ее внимание
ничто не зацепило.
Быть может, только чье-то грязное пальто.

Стук каблучков
сердечный ритм нарушил.
Я оглушен, как динамитом хек.
Неужто все еще
возможно встретить
такую вот и в наш такой-то век.

Она плыла
не для меня, конечно.
С меня сейчас, как жаль, — ни дать, ни взять.
Лишь носом
уловив остаток шлейфа,
я понял, почему «Шанелей» пять.

Приди ко мне, поговорим.
Сегодня я один.
Все перемыслил и послал
туда, где нет картин.
Там — только голая земля.
А в землю — воткнул крест.
Приди ко мне, поговорим...
Вот руки, вот мой жест.

Вчера я видел цвет войны
и чуял запах сна.
Он за собою всех нас звал,
и спала вся страна.
Вчера я ждал — победный крик
сорвется с амбразур,
и окна снова заблестят,
как матричный пурпур.

Но нет — молчали имена,
никто не ждет беды.
И из кипящего котла
вдруг кто-то крикнул: — Ты!
И я поник, услышав стон,
как будто плачет Свет.
Все закружилось, поплыло —
и худшей правды нет.

Хотел сказать, да промолчал —
подумал: пронесет.
И пронесло — во всю и вся,
что совесть не заснет.
Куда-то шел, потом упал,
из лужи вырвав дно.

Прополз, как червь, по мостовой
и все собрал дерьмо.

Смывая грязь и жалкий грех,
я жалобно завыл.
Мне нету места в этом сне —
другой же я забыл.
Я вовсе думать не желал
и плавать не умел.
А плыли все, лишь я стоял
и тронуться не смел.

Когда же стали возводить
над пропастью мосты,
я громко крикнул: — Все наверх! —
и прихватил холсты.
Терялась нить, рождая бред,
что портило пейзаж.
Поэтов поздно восхвалять —
их нет, один мираж.

Но вот, в мертвецкой тишине
скребет мое перо:
я воскрешаю черствый мир —
мне это суждено.
Я по частям собрал портрет
забытой красоты.
И за него несуд ответ
в преддверье пустоты.

Приди ко мне и рассуди:
на сколько прав в словах,
не вызовет ли глупый спор
наш повседневный страх?

Не будет ли гореть земля,
в себе храня лишь крест?
И примет ли моя страна
мой, полный смысла, жест?!

* * *

Сам того не замечая,
после сладкой кружки чая,
смотришь ты в окно погасшим взором.
Время мчится, время много.
Ты замялся у порога,
чувствуя себя последним вором.

Ты уносишь чувства эти
на закате, на рассвете,
по карманам распахав остатки фразы.
Ты со всеми ими дрался
И до белого ругался,
но они ползли наверх, как скалолазы.

Сам построил, сам ломаешь
то, что надо, забываешь,
проводя свои мысли в неизвестность.
Кто был левым, а кто — правым.
Кто трусливым, а кто — бравым...
Ты до боли изучаешь эту местность.

* * *

Нам выпала честь
наблюдать за рассветом,
встающим над нами
с приходом весны.

Фантазии нет —
есть вино, сигареты
и смрадом пропахшие
черные сны.

Мы смотрим в окно,
уходящей надеждой
на то, что сломали
реальностью дня.
И — вон ее, прочь...
Даже с этой одеждой
мечта не спасет
ни меня, не тебя.

Мы брали от жизни,
что нам не давали.
Мы брали от счастья
всего лишь чуть-чуть.
Кому оно нужно,
все то, что мы знали?
И нужно ли нам
то, чего не вернуть?

В раскрытые двери
мы взглядом ломались,
стремясь ощутить
хоть немного тепла.
Но сытые лица
на нас лишь косились,
и шумно из крана
стекала вода.

Она и сейчас
вытекает, но вяло —

как чьи-то шаги
измеряют свой путь.
Прошел еще час,
но рассвета не стало —
настал вновь закат...
Можно снова уснуть.

* * *

Хотелось бабке огненной любви —
и, взяв два провода,
она замкнулась фазой.
Любовь пришла... Гори огонь, гори —
пускай всегда тебя
горячей вспомнят фразой.

Хотелось деду жаркого тепла —
и, сняв тужурку,
он залез на печку.
«Буржуйка» грела, все «согрев» дотла.
В честь деда —
назовем мы нашу речку.

Вот так и мне, захочется однажды
кого-то встретить
или крепко полюбить.
Но ни на шаг!
Запомнить должен каждый:
любовь — коварна...
Деда с бабкой не забыть.

* * *

В последнюю зимнюю ночь
все мысли сплелись воедино...

Ненужной граненой звездой
на небе висела картина.

Глаза застилало тоской,
что делало взгляд безразличным.
Ни мне, ни тебе — никому
не выпало быть гармоничным.

Никто не сольется с рекой,
кроша толстый лед сапогами.
Никто не полюбит простор,
отведав пурги с небесами.

Тот список никто не порвет,
в котором все «если» собрались.
Разрушен лишь будет покой
и то, отчего сы смеялись.

Картина нахально сползла
с неяркой звезды семигранной.
Последняя зимняя ночь
уходит в рассвет безымянной.

* * *

Ветер,
порвав последнюю надежду на тепло,
без компромисса прорывается в окно.
Я поражен его нахальной красотой...
Мой мозг умолк —
и я стою немой.

Холод
через одежду хочет душу остудить,

чтобы не помнил и не вздумал вновь любить.
Чтоб сердце ныло, как расстроенный рояль,
а взгляд — уткнулся
прямиком в пустую даль.

КЛОУНЫ

Клоуны, на арену!
Ваш выход, пора идти.
Забудьте свои обиды —
вас ждут на комичном пути.

Кидается Рыжий в центр —
и смехом завывла толпа.
В немыслимом вихре Носатый
ровер поднял на попа.

И так закрутилось веселье —
шутки не в бровь, а в глаз:
Рыжий, как конь бельгийский,
Носатый, как водолаз.

Но вот — «конь» упал на спину,
промолвив короткое: «Ай!..»
Но возглас людской — единый:
«Вставай, горбатый, вставай!»

Носатый хотя и смеется —
в глазах тревога и страх.
Рыжий лежит, согнувшись,
как от удара в пах.

«Давай же, сачок, подымайся!» —
громко, чтоб слышал зал,

крикнул Носатый и замер...
Рыжий, хрипя, прошептал:

«Я отыграл, по-моему,
ты уж меня извини...
Как-то неловко вышло —
с каждым бывает, пойми...»

Бесится зал от свиста,
в центр кидают дрянь,
видя в своем ликование
шаг за запретную грань.

Носатый поднял друга молча,
взглядом провел по толпе —
и с истерическим смехом
пошел по знакомой тропе.

...Его схоронили быстро,
отпел и потом отпив,
в ночь, когда пели звезды
под грустный земной мотив.

Крест на могиле вкопан —
хлеба кусок, стакан...
И, как частица живого, —
хрупкий красный тюльпан.

Клоуны, на арену!
Ваш выход, пора идти.
Забудьте свои печали —
вас ждут на конечном пути.

* * *

Весь вечер в коричневом чае
замкнулся итогом раздумья.

Сидеть...

Видеть пар...

Мешать ложкой...

Печальная суть полнолуния.

Не думать, а грезить и смачно
ругаться на всех нехороших.

День был...

Сейчас нет...

И не будет...

И дело не в бледных прохожих.

Слова пролетают, как птицы.

За хвост их не схватишь, как в книжках.

А только ночные вопросы

приходят в коротких штанишках.

Ну вот, он свистит, закипая.

И в кружку — поток восклицаний.

Сидеть...

Видеть пар...

Мешать ложкой...

И — в бегство от ложных желаний.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Идеями прожженные умы,

решают повседневные проблемы.

Но мелочи на то нам и даны,

чтоб мы стучались лбами в эти стены.

Никто не знает, где его предел,

и что за ним — дано узнать не многим.

Все то, что в суете не усмотрел,
в конце концов — сольется с дном положим.

И будет день, взорвавшейся мечтой
искать безумным взглядом грань ответов.
Смотри, она крадется за тобой,
к простым желаниям приставив сто запретов.

На небе ночь, протест сидит во мне —
безвыходный и противозаконный.
Проженный ум копается в дерьме,
унять пытаюсь смысл раскаленный.

* * *

Где-то в далеких мыслях
по принципу: от безделья,
от едкого дыма и зелья
строится город сна.
Спят в переполненных залах,
лица подставив свету,
тени бросая рассвету —
шепчут простые слова.

Где-то в пустых коридорах
по номерам кабинетов
среди никчемных ответов —
строится город лжи.
Врут в переходах подземных,
врут над землею и просто.
И с ложью, мешая тосты,
сухие грызут коржи.

Где-то в фантазии смелой
по крышам и всем подъездам,

по тупикам и разъездам
строится город мой...
Девушка в платье коротком,
с улыбкой самой Мадонны
и блеском большой короны,
уводит меня за собой.

ОНА

Классика старых дорог —
их лица смеются вслед.
Вот и прочтен эпилог
сонно-мучительных лет.

Музыка в дождь с игрой,
капель на скользком пути.
Главное — я с тобой,
и снова могу идти.

Бьется янтарный день
в раме большого окна.
Их лица бросали тень
когда-то в желанье зла.

Когда-то я верил им,
пытаясь их шаг срисовать.
И, словно теченье Гольфстрим,
готов был тепло отдать.

Но нет — шли не только дни:
я ждал, слушал блюз и ждал.
Молча гасил огни,
медленно зажигал.

А вы — восхваляли мрак,
придав ему значимый вид.
В крупу подсыпали мак
и ждали, когда заболит.

Но вот появился туман —
вошли мы в него, как в ночь.
Я понял: идти на таран —
значит себе помочь.

Пополз я, как серый волк
ползет, когда хочет жить.
И суть обрести, и толк —
и просто на небо выть.

Я выполз, а вам — нельзя:
туман — это ваш запрет.
Проснулась от спячки земля,
оделась в волнующий цвет.

Она появилась, как миг
моих разноплановых встреч.
Но миг — перестроился в крик,
длинною в любовную речь.

Ты — это новый штрих,
красок моих балаган.
Классика, снятая с них, —
хмельного вина стакан.

Музыка в дождь с игрой,
капель на скользком пути.
Главное — я с тобой,
и снова могу идти.

Подарил мне ветер эти мысли,
музыкой пройдясь по всем углам
и по всем обыденным идеям.
От души. В душе. И по душам.
Сколько всего прочего забыто,
сколько перемолото — не в счет.
Ветер дарит мысли откровенно,
унося меня в волнующий полет.

Я там был и видел не впервые
эти горы золота шальные.
Я там спал и чувствовал боками
жесткое небесье с облаками.
Видел, как услужливые рожи
перед кем-то вылезали вон из кожи.
И как плачут, слез не вытирая,
в очереди у порога рая.

Ветер лепит правду без намеков —
мне бежать за ней, да разве я забыл,
что своею сыт и что наемся скоро
правдой тех, кто жизни научил.
Мы ходили, как святые папы,
находя изъяны в каждом новом дне.
Мы их прочили кому-нибудь другому,
но они настигли нас в кошмарном сне.

Это помню, как сейчас все было, —
пепельным закатом небо плыло.
Убегал, но был избит реально —
сбоку, поперек и вертикально.
В грязь попал и мыкался на месте,
утопая в разбухавшем тесте.

И, кинув взгляд я на дела такие,
позабыл намеренья благие.

Преподнес мне ветер эти мысли —
прошлое горит в раздумьях лет.
Дров наломано и в ряд охотно сложено
в память тем, кого давно уж нет.
Но я здесь, и мыслями не пройден
мой отрезок горького пути.
Он летит — и ветер его носит,
чтоб смогли его другие обойти.

Мы все вместе будем видеть солнце
через это малое оконце.
Мы продавим вечность голосами,
жажду утоляя облаками.
И пойдем без чувства сожаленья,
поздравляя всех младенцев
с Днем рожденья.
После станем у порога рая,
чтоб теплом налилась
наша плоть пустая.

* * *

«Не близок путь был и опасен...» —
гласит надгробная доска.
А рядом — бродит, завывая,
сердцеразрывная тоска.

Мир сотворен был в ту минуту,
когда слилась душа и плоть.
Но, сотворившись, разделился...
Так, видно, захотел Господь.

* * *

Жалко ныла струна
в колдовской тишине.
Терпко тлела свеча
и тонул я в огне.
Ход часов замолкал —
открывалась луна.
И в бездонный стакан
подливал я вина.

Ночь подкралась ко мне
мягкой поступью той,
за которой гонюсь,
словно волк молодой.
И которая — там,
куда мне не дойти.
Но пустым чудесам
верю в этом пути.

На дворе лают псы.
Конь копытом стучит.
Отошли ночь часы,
но струна все звенит.
Я бубню этот стих,
закрывая глаза...
Незаметно для них
разыгралась гроза.

В бликах молний рассвет
бьет холодной водой.
Мне, давая ответ,
что реальность — со мной.

Я открою окно,
чтобы свечку задуть.
Я допью все вино
и отправлюсь в свой путь.

* * *

Я молча курил у окна...
Я думал о вечном и низком:
о чувствах, деньгах — как всегда,
о давнем «хочу» и о близком.

Предательски скрипнула дверь —
и ветер, шагами по метру,
с холодным рассудком, как зверь,
стал рьяно выискивать жертву.
Увидев меня, он завыл.
Почуяв в ногах моих слабость,
рванулся ко мне, повалил
лицом в пепелящую гадость.
Хрипел я, пытаюсь сказать
хоть что-то в неистовом вихре.
Но зверь — начал руки кусать,
и хрипы мои тут же стихли.
Валяя меня, как сапог,
смеялся он смехом порока.
И бил меня, бил сколько мог —
без времени, даты и срока.
Я вырвался и, как червяк,
пополз в пасть к безумному зверю.
И, кровью испачкав косяк,
все проклял, во что я так верю.

...Я молча курил у окна.
Я думал о вечном и пошлом:

о чувствах, деньгах, как всегда, —
о будущем думал и прошлом.

* * *

Когда нам дано выбирать — мы стоим.
Когда нам пора умирать — мы идем.
Когда нам не хочется спать — мы летим.
Когда нам не хочется ждать — мы поем.
И все зарождается ритмом любви,
багровым закатом и светом зари.

* * *

Слуги дождя.
Грязь под ногами.
Лужи меня отражают
мутной душой.
Я и — не я.
С ними и — с вами.
Вместе умоемся
этой нечистой водой.

Мысли молчат.
Крылья намокли.
Нету полета над скользким
гранитом земли.
Вот пошел град.
Люди умолкли...
Те, от которых хорошее взять
мы могли.

Стонет судьба.
Все повторилось.

Плавным остатком
круги разбежались во мгле.
Вывеска дня
банально размокла,
мечтая о ярком и жарком
каминном огне.

* * *

Мы для бреда найдем
в нашем мозге отстойник...
И такое расскажем,
что встанет покойник!

* * *

Я смотрю в тебя
через сети окон.
Ты — не ложь,
ты — не правда, не звон.
Ты молчишь,
как всезнающий маг.
Я смотрю, но не вижу никак.

Ты раскинулся
горным хребтом.
Все вопросы, убрав на потом.
Ты разлился
рекой на простор.
Но не вяжется
наш разговор.

Я кричу в тебя,
как в трубу.

Ты не хочешь мою знать судьбу.
Ты не хочешь
завесу открыть,
чтобы вспомнить,
узнать и любить.

Я — в тебе,
но опять — пустота.
Ветра нет, не шумит детвора.
Ты — не ложь,
Ты — не правда, не звон.
Ты — всего лишь
обманчивый сон.

* * *

От суеты
и от погоды
меняется стремлений цель.
Проходят дни —
уходят годы,
крадется старость на постель.
И рассудить
и перемыслить,
от внуков шустрых не устать,
в строю остаться
и, воспрянув, —
ее на год хотя б прогнать.

* * *

Крутит земля
две стороны луны.

Сущность моя —
натянутых две струны.

Разные голоса —
звуки скрипят не в лад.
Черная полоса
белую тянет в ад.

Я — не достоин вас.
Вы — не достойны сна...
Кто-то разбил каркас,
и это — уже вина.

Время идет-стоит.
Я — в перепутье слов.
Смысл за рифмой бежит —
я сочиняю вновь.

* * *

Порока путь лежит через ворота
забытых душ, забытых тел и суеты.
Ночь, словно день, а день — не терпит срока,
который можешь выдержать лишь ты.

Терпеть так долго — это не проблема,
но быть проблемой больше нету сил.
Кто не успел, тот вычеркнут из дела,
ради которого ты, собственно, и жил.

Уйди тоска, уйди печаль под воду,
сгорай огнем земная благодать.
Ругаясь на холодную погоду,
ты выбрал путь без правил наступать.

* * *

Я в луже видел свою рожу —
наверное, был сильно пьян.
Лежал на вытяжку — зубами к перекрестку.
Одной рукой — туда же...
Другой —
залез в карман.

И кто б ни подошел —
старался пнуть меня под зад,
одним вопросом
задаваясь:
«Чего же ты лежишь тут, гад?..»

* * *

Мне бы в небо — одним шагом с горы —
улететь и раствориться, как тень.
Крылья выросли у этой мечты,
и махать мне ими вовсе не лень.

Снизу — город подымает свой дух.
Сверху — видно все, и я вижу всех.
Люди ходят, идут, думают вслух —
людям хочется, чтоб ждал их успех.

Мне бы в небо — одним шагом с горы —
и потом — с ветром долго летать,
а достигнув круглолицей луны,
вам оттуда послания слать.

* * *

Мир обруган был всеми словами,
перестроен, изрыт, расслоен.

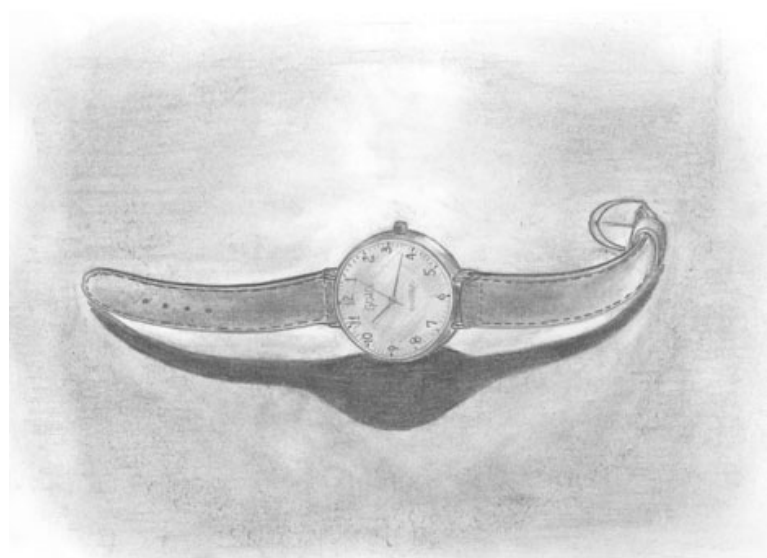
Восстановлен, любим... И с годами
в ранг открытия был возведен.

Мы ходили и им восхищались,
все надеялись: он нас поймет —
обогреет, накормит, оденет
и вообще никогда не умрет.

Жили радужно с ним, улыбаясь.
Рисовали картины без слез.
День за днем, своим сном разгораясь,
мы построили мир наших грез.

Но он — рухнул без страха и риска,
ни прощай не сказав, ни пока.
У корыта бездонного сели —
смотрим внутрь и пасем облака.

Мира нет, он устал притворяться.
Дверь закрылась до лучших времен.
Мы опять будем долго ругаться...
Только что ему с наших имен?

1997

* * *

В тихой заводи жизнь мерещилась
шевелением чьих-то тел.
Ночь. Тоска. Ветер гонит проповедь.
Но понять все никто не успел.

Не хотелось идти в напрасное
продолжение мятых снов.
Но тянула она, бесстыдная,
на убойно-кровавый улов.

Все бессмысленно и неотъемлемо —
правда ломится, но не туда.
Не туда мы с тобой продвинемся —
там нас мигом затопит вода.

Нужен мне еще шаг до пропасти,
чтоб воткнуть в нее взор мольбы
и кричать, неизменно с руганью,
что устал я от этой ходьбы.

Что устал я от дней не понятых,
от стандартов холодных квартир.
Нас согнали сюда, безропотных,
И повесили сверху: «Тир».

Окружение давит способом,
применимым лишь только к нам.
В тихой заводи жизнь мерещилась,
предаваясь шальным мечтам.

Ночь. Тоска. Ветер гонит проповедь
к равнодушию чьих-то тел.
В ней — слова, предложения, окрики...
Но понять их никто не хотел.

* * *

Я поцелую тебя
на прощанье.
Вали ты отсюда,
моя обуза.
Ни цента не стоят
твои обещанья...
Что толку, что грудь твоя,
как два арбуза?..

* * *

Разойдутся круги на воде,
жалко скрипнет песок под ногой...
Я шел, вроде, навстречу тебе:
обернулся, а ты — за спиной.

С каждым шагом — вперед. Ты — назад.
Ритм нарушен, разрушена суть.
Значит — снова идти наугад.
Значит — снова есть шанс не уснуть.

* * *

Жизнь улыбается без постоянства,
без равновесия,
но не без пьянства.

Пьяный лежу — потолок изучаю...
Как дальше жить?..
Ни фига я не знаю.

МУЗЫКА НАШИХ ДУШ

Дорога в ночной коридор...
Шаги,
каблуков раскат.
Скрипы фальшивых дверей,
мыканье наугад.
Выбор затронул плоть.
Плоть разразилась тоской.
Чувства
были полны.
Но, как оказалось, — игрой.
В конце коридора — свет.
Шаги ускоряются...
Гром!
На улице пошел дождь.
Точнее — за этим окном.
Пол
взял зеркала блеск.
Тени роняют честь.
Стулья, узнав шаги,
сразу предложат присесть.
Но — волнение тут как тут.
Надо идти вперед...
Хотя — непонятный звук
назад постоянно зовет.
Вот —
усталости вздох.
За ручку и — на себя.

Музыка!
Радость!
Боль!
Это все — для тебя.

* * *

Чистый лист.
Душа не спит —
воет, мается, болит.
Мыслей — просто кавардак.
Жизнь — вперед,
но жить-то как?..

Лампы свет.
Свет фонарей.
Действие шальных идей.
Образы, ее портрет...
Жизнь поет,
но жизни нет.

И дымится
мой вопрос:
«Так, когда же будет спрос
на пьянящие слова?»
Жизнь идет...
И жизнь — одна.

* * *

Я навестил ее в четыре.
Мы поругались.
Я ушел.

Бродил по городу бесцельно —
полтинник
под кустом нашел.
Зайдя к ней в девять,
кинул колко:
— Чего сидишь тут — просто так?
Оденься в красное...
Прощаю!
Сейчас пойдем с тобой в кабак.

* * *

Ночь
воедино сплела наши мысли
с суровым рассветом
и грешной судьбой.

Тучи
как-то жестоко нависли
над маленьким домом,
зовущимся нашей Землей.

Скоро
станут на ноги упреки
и будут толкать
всем известные горе-слова.

Было...
Было сомненье в пророке —
и не в поклоне,
катится вниз голова.

* * *

Солнце имело огромный успех —
в этот вот день оно жарило всех.

Я тоже сидел под лучами тепла
и медленно правда житейства текла.

Солнце — не суть. Вода — не исток.
Дело — движенье. Движенье — не срок.
Все по-иному — не хочется знать,
как дальше жить и за что умирать?

Знали пророки, что день есть и ночь.
Знали они, кому можно помочь.
А знали ли мы, что когда-нибудь нам
будет дано улететь к чудесам?

Шаг. Остановка. Дрожит все вокруг.
Что это? Кто это? Чей это круг?
Я замираю, вижу проем —
величие хором раскинулось в нем.

Шуткой игривой сорвались слова:
— Как только увидел, узнал я тебя.
Давай потолкуем о разных делах.
Но вместо «давай» — на меня напал страх.

Серое небо, песочный рассвет.
Старая дверь в ожидании бед.
На горизонте — безликая ложь.
Взгляд на безумный поступок похож.

Я повернулся — и сразу вопрос:
— Где ты родился, что так долго рос?
Где твоя юность и как ты мужал?
А я, не ответив, сильнее задрожал.

Глупая вера — я снова не с ней.
Снова бреду в переливе ночей.

Странная вера. Мне хочется так —
пусть даже будет душевный бардак.

Как-то нелепо ведешь ты себя —
холодно, что ли, от взгляда огня?
Чего ты молчишь, как немой часовой?
Резко ударил, поднял и — с собой.

Краски смеются. Узоры, узоры...
Люди стоят, обратив к нему взоры.
Они все молились, они все с Тобой...
Дай им упреков и дай им покой.

Я просыпаюсь в болезненных тапках.
В болезненных куртках, в болезненных шапках.
Тело не движется, тело скрипит...
Нет, это — дверь. Он идет. Он не спит.

Водная гладь, от волнения — круги.
Под ней еле видно движение руки.
Она манит вниз. Тишина, тишина...
Мир зазеркалья небесного сна.

— Ну что, ты проснулся? Вставай! Вот — поесть, —
он ставит тарелку, пытается сесть.
Потом передумал, взмахнул одеялом
и тронул меня своим огненным жалом.

Мысли, мысли. Топот. Блики.
Пела песня, теперь — крики.
Смотрит страстно чья-то плоть,
Вот дела, так то ж — Господь!

— Как твоя правда, с тобой ли еще? —
Он говорит и берет за плечо.

Я отвечаю: — Спасибо — со мной.
То, что искал, ощущаю душой.

Тонет печаль. Растворяется соль.
Сняты одежды, несущие боль.
Я говорю, говорю, говорю:
— Верю, надеюсь и крепко люблю!

* * *

Без страха гуляла осень.
Но осень не знала правды.
Она приносила чувства...
И в общем-то — это все.

Зима наступала неожиданно,
хотя и была не дальше,
чем взгляд исподлобно-колкий,
брошенный наугад.

Весной расцветали смыслы
всех таинств самой природы.
И солнце гоняло в лужах
отблески черт своих.

А летом, одев панаму,
сидел и ловил я рыбу.
И думал о том, что скоро,
все заново будет опять.

* * *

Ветер щедро дарил
океану волну.

Вечер был наполняем
желанием сна.
Под ногами носило
сухую листву.
И за всем наблюдала
светильник-луна.

Ее волосы вскинуты
взмахом назад.
Ее тело дрожит
в ожиданье шагов.
Он идет, не спеша,
и жует виноград.
Он ей скажет сейчас
сотню ласковых слов.

Двое тихо стоят
в перепутье дорог.
Им не нужен рассвет —
они пьют темноту.
— Много надо ли нам
в этом мире тревог? —
Я спросил, засыпая,
светильник-луну.

* * *

Круглое катится вниз —
катится вниз эскиз.
Вверх поднимается ночь —
блудной развратницы дочь.

Светится счастьем лик:
— Мы покорили пик!..

Но вниз покатился квадрат —
дочки-развратницы брат.

Катится целый мир
с чумы прямиком на пир.
Мы щемимся снова ввысь,
как мягко-зубастая рысь.

С квадрата мы сделаем шар,
с котомки — большой амбар.
И круглой больной головой
покатимся вниз с тобой.

* * *

Расскажи мне, моя печаль,
почему я устал идти?

Почему расписная даль,
не пугает меня, не зовет?

Почему не хватает слов,
от которых расплавится медь?

А когда разгорается блуд,
почему же душа не поет?

Вот сижу и грызу сей гранит —
он противен на вкус и груб.

Но как странно: нигде не болит —
пустота заполняет куб.

И, как новое солнце, день
запрягает телегу в путь.

Еду я, вроде, как вперед,
но какая ж тоска вокруг...

* * *

Хаос наводит думы —
думы несутся в вечность.
Вечность царит повсюду —
всюду витает хаос.

Хором поет природа —
рода не виден оттиск.
Оттиск остался глубже —
глубже уже не надо.

Гордость раздавит принцип —
принцип сольется с лужей.
Лужа промочит ноги —
ноги застряли в смысле...

Мысли не ставят цели —
цели близки, но все же...
Все же — не крайность выход.
Выход — не значит воля.

ТРИ СОСНЫ

Я долго шел —
и вот попал на встречу.
Стою в трех соснах
и не знаю, что потом?
Привет, рассвет!
Услышь ты мои речи...
Я в первую —
уткнулся твердым лбом.

Хожу след в след.
Приятно улыбаюсь.
Здесь были люди, —
видно, праздник был.
Но вот беда —
об праздник спотыкаюсь.
И, как итог, —
вторую лоб словил.

О третью —
я ударился не сильно.
В том проку не было,
и лоб уже привык.
Обнял ее,
причем — любвеобильно,
и, словно —
к мягкой женщине приник.

И вот — сижу.
Сосну слегка качает.
Я жду ответа:
кто же прав с троих?
Потом — хожу.
Ходьба-то не пугает —
пугает ум
огнем идей своих.

Они придут —
возьмут пилу и разом
пейзаж изменят
собственной рукой.
И — нет его...
Лишь вспомню по рассказам,
которые
смеются надо мной.

Встаю,
отряхнуты штанины.
Куда идти?
Закат бросает в сны.
Нащупал путь —
вдали слышны машины,
но видеть их
мешают три сосны.

* * *

Сначала был шаг
в ту бездну, где крайность граничит с судьбой.
Потом озаренье:
зачем он был нужен? И что происходит с тобой?

Без правил игра —
считалось пристойным: убрать горизонты с картин.
Нет лиц и теней —
все скрылись под серостью стекол шаблонных витрин.

Ответ резко трезв:
— Не понял искатель, в каком же ты мире живешь?
И был — шаг назад...
И было то чувство, которое вряд ли ты ждешь.

* * *

Время вспять не повернуть —
это истина не моя.
На каком боку лучше уснуть?
Это тоже еще вопрос.

Я не вырос с больших надежд.
Я вообще очень медленно рос.

Но под музыку — и, гордясь
тем, что кое-чего достиг.

Не печалься, горел закат.
Ему, в общем-то, незачем ныть —
превратится он утром в рассвет,
новым смыслом залив простор.

Я не буду смотреть на них —
я вообще не хочу смотреть.
Будет время идти вперед —
ему надо туда идти.

* * *

Не мучай меня вопросами
о сущности этих дней.
Они — это что-то зыбкое.
Они — не от наших идей.
Они не стреляют взглядами,
а давят суровой судьбой.
Ты выбрал их так неопытно,
рискуя своей головой.

Не надо кричать беспомощно
о том, что в них прочно завяз.
Они не простят тебе в будущем
такой меркантильный рассказ.
Они будут мягко, расчетливо
сети свои расставлять,
чтоб в них вот такие кричащие
нередко могли попадать.

Спокойствие, чтн эту заповедь:
день — это часть тебя.

Ты будешь ходить с вопросами,
а он — будет бить меня.
И нету существенной разницы
меж тем, кто из нас как живет...
Тот день, когда что-то случается,
к тебе одному лишь придет.

Не мучай меня вопросами —
я сам, кого хочешь заем
сущностью жизни прожитой
и днями, и смыслом, и тем,
что так непонятно-отчетливо
мне видится сломленный свет.
Из дней, отбирающих лучшее,
диктуется резкий ответ.

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Вроде бы, я спокоен,
а может быть, это не я?
Мимо проходят годы.
Колются больно слова.
Мир чрезмерно насыщен
бытом ненужных тонов.
Я открываю книгу
из двадцати двух томов.

Молча листаю страницы,
и пыльные их сердца
стучать заставляю снова
до одури, без конца.
Эхом несется проза:
здравствуй тебе и прощай.

Что было, то было. Что будет?
Как хочется крикнуть: «Узнай!»
Узнай я тогда, что лучше,
узнай я, где тьма и где свет,
быть может, и не был бы жестким
теперешний мой портрет.
Быть может. Быть может. Быть может...
Красиво могло бы быть.
Слова, все слова, а в итоге —
я жил, как и должен был жить.
Зеркального мира узоры.
Четыре стены и окно.
То шаг, то побег, то тревога...
То черное с белым кино.
И все — внутрь себя, на засовы,
подальше от опытных глаз.
Никто чтоб и в мыслях не думал,
как пишется этот рассказ.

Пыль вытерта, я спокоен,
а может быть, это не я?
Все осознал, но не принял,
что колются больно слова.
Что мир чрезмерно насыщен
все тем же безличьем тонов.
Что я закрываю книгу
из двадцати двух томов.

* * *

Снег безрадостно ложился
на асфальтную дорогу.
Было шумно, но — не в радость,
а в бездумную тревогу.

Звери выли, люди пели,
одурманенные ветром.
А магическая цифра
приближалась во всем светлом.

Мы стояли, снег жевали,
на момент подавшись сладкий.
А потом — ругались матом,
глядя на луну украдкой.

Но без толка и без веры,
а с каким-то обреченьем,
подавившись не то смыслом,
не то пройденным везеньем.

* * *

Все невозможное возможно —
возможен невозможный ход.
И невозможные поступки
возможны будут через год.

Возможно будет воздержаться
от невозможности пути.
И невозможно отказаться
возможность эту обрести.

* * *

Моя рукопись была не легкой,
как нелегким был пройденный путь.
Но не надо искать в ней стилистику
и ругать потаенную суть.

Все лежало на твердой поверхности —
была ручка в руках, бум в мозгах...
На тетрадных листах мной изложено
лишь о том, что творилось в мечтах.

А все тайное, будь оно проклято,
безнадежно впиталось в гранит.
И не сдвинуть его переменами —
он надежно весь смысл хранит.

* * *

Вот оно — взорвалось!
Умер я и родился вновь.
Захотелось вращаться в темпе —
забурлила дурная кровь.
Взрывы носятся эхом кварцевым,
но от этого — только шик.
Я на карте глазами жадными
охмурил насыпной материк.

Вот она — раздевается!
Все живое вокруг кряхтит.
Даже нет — не кряхтит, а готовится
для броска на желанный магнит.
Да, она это чувствует,
что я к ней уже с чем-то есть.
И, ведя себя не двусмысленно,
предлагает мне рядом присесть.

Вот и все — начинается!
Ты-ры — пы-ры, туда — сюда.
В общем, я — ей: — Моя ненаглядная!
А она — мне: — Ты мой навсегда!..

Вон они, в коротких штанишках, —
будто вижу себя я вновь —
раскричались, дерутся, ерзают...
Ох уж эта дурная кровь!

* * *

Мы глупели от нашей любви,
как когда-то глупела природа
от поступков безумных людей
восемь тысяч пятисотого года.

Хотя, в сущности, это — провал:
сроки выжаты все до упора.
Но мы любим, когда тело прет
на торчащие гвозди забора.

И от этого, меньше узнав,
потеряли свою первозданность.
Чудо-люди сейчас и потом —
одинаково глупая странность.

* * *

Что значили смыслы?
Что значил покой?
Часы просто шли,
но не вслед за тобой.
Ты плелся за ними.
Ты спал на ходу,
ничем не пугая
свою тишину.
Лишь лбом ударяясь
о зеркало дней,

ты вдруг замечал,
что нет рядом людей.

* * *

Все, о чем говорил,
не дано вам узнать.
Дождь придет, постучав, —
ему незачем ждать.

Не увидеть вам сон —
он холодный и злой.
Я остался в нем тем,
кем был прошлой зимой.

Ни рассветы, ни тьма,
ни биенье сердец
не заставят понять
силу тесных колец.

Они сжали простор
и — на цепь его взгляд.
Не увидеть вам крон,
вдохновляющих сад.

Есть у вас лишь покой,
четкий быт и уют..
Все, о чем я пишу,
только чувства поймут.

* * *

Зонт
закроет голову от дождя.

На улице снова —
мокрый его урок.
А это значит —
новый этап для меня.
А может быть, —
новый срок.

Грязь —
она неизменно всегда вокруг.
Сегодня же — даже там,
где не место ей.
Мне по колено —
и неразрывен круг:
давит усталость и злость
от настырных идей.

Они хороши —
им таковыми дано изначально быть,
но не сейчас —
в этом-то мой урок заключен.
Пусть дождь пройдет,
а мне остается жить
так, как гласит этой жизни
негласный закон.

* * *

А тут я — с высокими целями.
Нестандартно?
Так мы — так живем:
новый день начинаем с надеждами,
а заканчиваем бичом.

Он стегает
по мыслям ветреным.

Он стегает, мешая спать,
продолжая толкать жизнь бесцельную —
нас бесформенное искать.

* * *

Прекрасную возможность
нам подарило лето.
Нам подарила ночь —
сияньем звезд.
Мы уходили в грезы,
как дым от сигареты,
протягивая небу сизый хвост.

Не думали, не знали,
что счастье отыскали
под жарким солнцем
и под нежной мглой.
Все было нереально,
безоблачно-хрустально —
и много разных мыслей за спиной.

ЗОНА

Ни дней вчерашних,
ни дней забытых
мы не считали, —
как будто знали,
что все напрасно,
что ложь — безлика...
Что ночью страшно
от стона-крика.

Печаль не в моде,
не в силе вечность.

Мы — вне закона.
Мы — снова зона!
Она раздавит.
Она унизит.
И тем быстрее
конец приблизит.

А он — раскрасит
весь смысл по новой...
Мы — дух воскресших.
Мы — тень ушедших.
Неколебимы
слова пророков,
но кто же вспомнит
суть тех уроков?

Не те победы,
но всем — веселье.
Мы — на иконы
меняли троны
не чтоб молиться,
а утешаться
тем, как мы можем
порой сгибаться.

Вот вся и правда.
Вот все и мысли.
Мы потерялись,
когда рождались.
Покой лишь снится.
И в сон лишь вера:
в нем нету зоны,
в нем нет барьера.

Ни дней — вчерашних,
ни дней — забытых
мы не считали,
как будто знали,
что будет снова
в рассветных бликах
душа немого
бежать от криков.

* * *

Темы всеобщего разума-мира
вновь посещают мою голову.
Рациональность, единство и лира
истину ищут в охотном ряду.

Мифы проносятся, дав жизнь предметам —
тайную суть их пытаюсь понять,
чтобы однажды к далеким планетам
разум земной смог меня бы поднять.

Я не — античность, не Бог, не часть Света,
в споре родился — с вопросами рос:
«Где скрыт смысл? Для чего же все это?
На что же, действительно, в жизни есть спрос?»

Вот категория мыслей запретных,
и прежде она — для себя самого.
Мир не умрет в рассужденьях ответных,
а я не узнаю ученья всего.

* * *

Я молча рисовал свою судьбу
на фоне детства, юности... И дальше —

на фоне неба, гор и облаков.
Ни капли не было везде снующей фальши.

Скользила кисть по бархатным листам.
Скользила правда тонкими штрихами.
Здесь было все: восход, зенит, закат...
Здесь была вера в то, что счастье с нами.

Согрета солнцем голая земля.
Дома сырые сохнут, лицезрея
на эту улицу, дорогу, на меня —
на то, как зарождается идея.

Я весь — в волнении... Дверь жалобно скрипит.
Мой первый шаг, второй — и остановка.
Мои слова, мои пейзажи, колорит
вместила все в себя житейская обновка.

* * *

И снова было, как вчера:
горел огонь в глазах желанных,
и не было гостей незваных,
и к Магомету шла гора.

Все оказалось не без пользы —
час наступил, который ждал...
Я получил, чего желал,
под томный бой часов из бронзы.

ШАНС

Был шанс — из тысячи один,
и тот едва не сплыл.

По жизни — я не господин.
К наградам подостыл.
Горели ночи звездным сном,
и грели дни весной.
А за распахнутым окном —
две тысячи второй.

Как в мелкошрифтных повестях
желание жгло плоть.
Я растворялся в новостях,
чтоб чушь свою молоть.
И правде не было конца —
в итоге: правды нет.
Я, как граната без кольца:
вот-вот — и вспыхнет свет.

Проходят люди, как часы, —
тик-так, тик-этак-так...
И ставят жизни на весы
за нас иль просто так.
Я тоже пробовал искать
в погоне — счастья ноль.
И, чтоб могилу не копать,
на раны сыпал соль.

Они завоюют, заболят —
я слабый, но дышу.
Кто мне подскажет, где простят?
Свой крест я не ношу.
Молился пламенный закат —
я в нем, как вечный раб.
Жизнь снова ставит жесткий мат:
действительно, я слаб.

Предел висит над головой —
и что за штука, шанс?

Иметь мне нужно за спиной
какой-нибудь баланс.
Ведь он из тысячи — один,
и тот — почти в раю.
Он переварит никотин
и возвестит зарю.

* * *

Время летит — стоит.
Годы идут — стоят
Вроде, и есть сюжет,
но люди — другой хотят.

Будет не в сути шаг.
Будет не в выборе смех.
Люди ползут в масштаб
новых своих утех.

Вот она — путная жизнь:
самообман плоть хранит.
Годы идут — стоят.
Время летит — стоит.

* * *

Пока земля рождала камни,
я посетил фальшивый рай.
Там было вкусно, было сладко —
бери, что хочешь, выбирай.

Мне ночь казалась мимолетной.
День пролетал большой стрелой.
Я побывал везде успешно
и горд, пожалуй, был собой.

Но вот мне эхом возвестили,
что неотесанный малыш
своими острыми краями
наружу выполз сквозь камыш.

И стал расти он ежедневно,
раздавливая всех вокруг.
Поверхность гладкая сияет
ходьбою ног, движеньем рук.

В его глазах, как в зазеркалье,
мне виделся фальшивый рай.
Направо, влево — нереально
идти назад в забытый май.

И вот нашла коса на камень —
бьет барабан, труба зовет...
Ползу туда, где дух крепчает,
где настоящим все живет.

* * *

Я заказал себе весну —
какой не видел давно.
И закрутился в мозгу
неистребимый вкус сна.

Растаял весь грязный снег.
Все смылось свежим дождем.
Ритм сердца ставлю на бег —
и вот, приходит она.

Я пробегаю печаль.
Я пробегаю сквозь всех.

Крепки надежды, как сталь.
Я верю: это — мое.

Не тянут годы назад.
Не рвутся чувства вперед.
Есть середина и ночь...
Все остальное — ничье.

1998

* * *

Вокруг были толпы народа.
Вокруг было море машин.
По городу ярко шла мода,
вдыхая в себя никотин.

И было все должным раскладом,
светились рекламой дома.
Лишь он находился под градом,
страдая от горе-ума.

Лишь он не вписался в те рамки,
которые сбил этот век, —
обычный мечтатель с гражданки,
обычный чудак-человек.

* * *

Оставь мои руки
в своих же руках.
Оставь мои мысли
в высоких мечтах.
Я здесь. Я с тобой.
Я не буду хотеть улететь.

Пусть все повторится
под пламенный свет.
Я рву на куски
свой обратный билет.
Смешно? Ну и что?..
Я зато буду знать, чего ждать.

Играй своим словом
в потемках души.
Найдя это слово,
на лист напиши
и мне передай —
я запомню его навсегда.

Искомая фраза
вглубь смыслом уйдет...
Лишь твой поцелуй —
как надежды полет,
что это — не сон,
что тебя я отныне люблю.

Пусть все говорят,
что ты — день, а я — ночь.
Что я — блудный сын,
ты — распутная дочь.
Нам вместе не быть...
Но ведь что-то роднит дым с огнем.

* * *

Уже светает...
Уходит плавно беспокойная тоска.
Уже не трется дуло у виска.
И воздуху хватает.

Уже не больно...
Хотя понятие о боли — это стон.
Ты можешь биться, но не будет битым он.
С него — довольно.

Пусть втихомолку
дополняют мыслью недописанный роман.

Ты улыбаться будешь монстрам и шутам,
но все без толку.

И вот — светло...
Одеждой станет темно-вафельный жилет
с рисунком бывших, но стремительных побед.
С ним — повезло.

* * *

Он завыл не случайно,
этот волчий отшельник.
Псы вскочили на ноги,
скинув общий ошейник.
Свора в стаю сомкнулась
и — вперед к водопою:
перед дальней дорогой
насладиться водою.

Он завыл не случайно,
предвещающая развязку.
Я курю от волнения,
запрягаю упряжку.
Что мы знали о жизни —
тем поделимся с вами.
Но сначала — в дорогу:
ждет земля под ногами!

* * *

Что еще можно придумать луне,
которая гордо маячит в окне?
Которая знает все мысли твои
и помнит не нужные с тенью бои?

Что ей такого еще рассказать,
 кроме того, что не хочешь ты спать?
Что вновь ты желаешь познать свою суть,
 подставив под стрелы широкую грудь?
Или о том, что ты снова влюблен
 в ту, у которой есть бархатный слон?

Нет... Ей не нужен такой монолог —
светит она, а ты вряд ли б так смог...

* * *

Загляни в свою печаль —
и в ее глазах
ты увидишь мира даль
в бронзовых тонах.

Загляни в свою тоску —
и в ее стихах
ты прочтешь одну строку,
вызвавшую страх.

Загляни в свою любовь —
и в ее мечтах
будет бить и в глаз, и в бровь
сказка о бобах.

Загляни в себя скорей —
и скажи нутру:
— Эй, Никитин ты, Сергей,
не гони волну!..

* * *

Когда-то наступит
 начало конца.

Венчание судеб
 не в роли творца.
Сольется потоком
 ненужная спесь —
и мира не будет
 ни там и ни здесь.

В исканиях правды
 застанет закат,
а ночью в душе —
 разразится набат.
Мы вряд ли полюбим
 свой выбранный путь —
останется только
 рукою махнуть.

Потертые годы —
 не вечен их ход:
пройдут они быстро,
 как дым в дымоход.
Но копоть не смоем с нас
 жизни Творец...
А вон и она —
 предъявитель-истец.

* * *

Я простился с музой
своей прошлой жизни —
взрыв тревожных мыслей
и дождливых дней.

Возмутился ветер,
поднимая волны...

Я плыву сквозь сети
мне чужих людей.

Я смотрю в их лица,
не пугаясь правды.
Это очень просто
по исходу лет.

Это слишком просто,
но уже не кстати
вспоминать, что было,
кто был прав, кто нет.

Признают ошибки —
флаг им в руки красный.
Пусть идут парадом
и гудят в трубу.

Было время в жизни,
когда все на карту
я ложил, не глядя,
веря лишь в судьбу.

* * *

Ты истлела в моей душе,
словно импортная
сигарета,
не оставив былой любви
и дыхания
быстрого лета.

Ты смеялась, шутила в такт,
разгоралась, и тут же —
гасла.

Горделивой походкой шла —
и не ела конфет
и масла...

Ты желала быть светлым днем,
отведя себе роль
Джульеты.
Только я не Ромео совсем —
я курю, пью вино,
ем котлеты...

Я — простой, как бульварный ремикс.
Ну, быть может, —
отрывок Беллини.
Тем не менее, я держу то,
что ты видеть могла
только в глине.

И поэтому — мялась ты зря,
притираясь к моим
старым штроксам.
Ты — истлела, но эт не беда:
я привык уж к таким
парадоксам!

* * *

Ум ныл от этого общенья —
от пустоты красивых слов,
от неземного назначенья
и тайн больших разоблаченья,
от «понимания» основ.
Дурак все просто объясняет
и понимает просто так.

И жизнь таких не ломает:
сломай попробуй — свой же брак.

* * *

Тупик. И ни шагу вперед.
И требовать, в общем-то, зря.
Блаженная мысль втихаря,
скомкаясь, обратно пойдет.

А ты будешь глупо стоять
и ждать продолженья пути.
Тебе невдомек, чтоб пройти, —
не нужно просить и мечтать.

Не нужно так много курить
и пить бесполезный коньяк.
В душе, развивая бардак,
вопросы наивные лить.

Ты просто ударь по столбу,
к которому знак прикреплен,
ногой (ты ведь в этом силен),
чтоб рухнуло злое табу.

Вперед. Путь открыт, как вода,
текущая с крана на пол.
Внося в мысли трезвый раскол,
тебе улыбнулась судьба.

* * *

Она уходила от главных вопросов.
Она не любила ночь.

Она не хотела жить с ним слишком долго,
но очень хотела дочь.

Она пила водку и ела селедку,
часто срывалась на крик.
Вагон-ресторан ее жизни катился,
скорее всего, — в тупик.

Весной же, однако, пришли перемены:
вошел в ее поезд другой.
Он был не похож на обычные лица —
с трубкой и бородой.

Свободный художник, ценитель правды,
с верой в прекрасный мир.
Он видел два солнца и мог видеть больше —
готов превратить мог в багир.

Она расцвела, как июньская роза,
бюстом подавшись в ночь.
И то, что должно было, то и случилось:
баюкает мама дочь.

Свободный художник побрился гладко —
и бросил крутить штурвал...
Под парусом трое плывут по течению.
Куда?.. Им никто не сказал.

* * *

Разбиться в мыслях —
на части света,
на части счастья
и на года.

Любить, сгорая,
потом — робея.
А после — вовсе
любить всегда.

Но это — мысли...
И их осколки
собрать в мозаику
не хватит слов.
Ты мне не веришь?
Тогда попробуй,
но не пугайся
седых голов.

* * *

Мелькали в окнах чьи-то лица —
мне снился сон про новый путь:
не ехал я — летел, как птица,
пытаясь мир перевернуть.

Пытаясь все переиначить
и под себя настроить звук.
Границу счастья обозначить
и избежать душевных мук.

Но, словно взрыв, рассудок тронул
и сон исчез мой в никуда.
Я оглянулся вдруг и понял,
что приземлился — не туда.

* * *

Сточились острые края
хозяйственного мыла.

Ушла жена, некормлен пес.
Соседка стыд пропила.

Две деревянные слезы
о пол разбились градом.
На сковородке — мертвый жир.
Фортуна крутит задом.

Схватить ее за этот зад
мне позарез как нужно.
Отдать бы смог я все долги
легко и безнатурно.

Ведь в постном вареве сует
витать стал дух дилеммы...
Пес смотрит косо, в нос сопит —
не любит он проблемы.

* * *

Пошли нам веру в мирозданье
без долгих лет борьбы со злом.
Без горьких слез,
без мутных грез,
без разбитного ожиданья
того, что ждет нас за углом.

Свеча горит,
а может — лампа.
Сидит усталый человек.
Он долго жил, но ум не нажил
за этот трудный, лживый век.

* * *

Провозглашение!
Смена наземных параметров.

Небо восприняло мой
затуманенный взгляд.
Мир наполняется тем,
что вокруг было видимо.
Мир наслаждается тем,
чему мог быть я рад.

Радость!
Она возникает по воле фантазии
и обретает размеры
далеких планет.
Они где-то там,
где в свое время все мы окажемся...
Ну, а сейчас — все внутри,
их в окружности нет.

Пройдено!
Это отчетливо чувствуешь —
стерты поступки
когда-то знакомых людей.
Мир обновляется снова,
неся мне спокойствие,
вместо подобия бурных,
отчаянных дней.

1999

* * *

У края последней надежды
завис необъятный закат.
Конечная стадия века!..
Конечный итог-результат.

Скопление тягостных мыслей
вмиг сделалось облаком-ноль.
У края последней надежды
стоит седовласый король.

Начало нашло отраженье
в своем завершеньи-пути.
И как ни хотелось остаться —
отсюда придется уйти.

* * *

Пустое место
 вместо слов.
Зовут нас трубы
 на вкусный плов.
Ловите воздух
 открытым ртом.
А то не хватит
 на всех потом.

Рисуем счастье —
 оно везде.
Одно лишь плохо,
 что конь в узде.

Ему бы гнаться
за ветром вскачь.
Да вместо ветра —
пришел трепач.

Даешь веселье —
чтоб нам так жить!
На спор и часто
мы станем пить.

Играть на деньги,
делить страну,
пока не рухнет
все на кону.

Пустое место
вместо слов.
Приспустят флаги,
подкинут дров.
Ловите воздух,
пока он есть.
А говорливым —
хвала и честь.

* * *

Он смотрел заводными глазами
на весь этот безоблачный день.
Обустройство — раздел из мечтаний:
он — мечтатель, он хочет в постель.

И в постели — он хочет блондинку
раз так восемь иль девять назвать
той желанной, с которой он сможет
смысл жизни конкретно познать.

Разделив бы с ней радость и горечь,
он балдел бы от фруктов с вином.
Сладострастную, мягкую, теплую —
он познал бы ее целиком.

Только целик сбивается нынче —
обустройством себя сам подвел.
И пока размышлял о стандартах,
ту блондинку уж кто-то увел.

* * *

Прикосновение —
имена прилагаются к слогу.
Хмурый художник в стакане
утопит тревогу.
Потом будет долго смотреть
на портретные лица...
А за окном будет биться о камни
гордая птица.

Птица — удача. И птица — разлука.
Все вместе,
словно воскресшая вера,
на выжженном месте.
Словно все в танце опять
закружила природа,
шанс предоставив
в виде запретного плода.

Он дорисует...
Он, как обычно, возьмется за краски.
Будет и правда.
Будут и страшно наивные сказки...
Прикосновение —
я ощущаю тепло от красивых движений.

Весело катится жизнь
в мир приключений.

* * *

Злы и непонятны
сегодня облака.
От их тоски невиданной
стекает вниз река.

Мы вдоволь ей умоемся,
напьемся, порыдаем...
И на кофейной гуще
в прогнозы поиграем.

* * *

Смысла не было гнать на полную,
но хотел он постичь судьбу.
Он хотел докопаться до истины,
чтобы жизнь не ушла в трубу.
Чтобы как-то однажды вечером,
выходя на крыльцо, старик
улыбался от мыслей ветреных,
вспоминая былой свой лик.

Он хотел — и пошел в направлении
том, в котором нуждались все,
отдавая ненужное должное,
повинуясь ее красе.
Не теряя рассудка трезвого,
но пьянея от лживых фраз,
он пошел, растворившись в вечности...
Ведь она это знала до нас.

Он боролся с ней, словно проклятый,
не щадя, бил вопросами в лоб.
А она, вместо стройно-целого,
все ответы положила на гроб.
В те минуты он ждал озарения —
и оно приходило к нему.
Шаг за шагом, теряя терпение,
понимал он все так почему?

Почему нет гармонии в радости?
Почему кто-то в жизни чужой?
Почему он пленен ее чарами,
но живет со своею мечтой?
Почему все стремится к безумию,
будто в этом есть чей-то наказ?
Почему мы никак не меняемся?..
Почему так же было до нас?

Светит солнце — на небе ни облачка.
Он в качалке сидит на крыльце.
Мыслей нет даже мизерно-ветреных...
И не нужно — вся жизнь на лице!

* * *

Каждому — по судьбе...
Катит пустой вагон
по рельсам
в страну необъятных грез.

Каждому — свой билет
в барак или на трон...
На каждый день, по сути,
новый вопрос.

Колеса стучат
круглым по стыкам дорог.

В их монотонном напеве
много помех.

Годы уйдут...
Но годы — всего лишь срок.
И опыт твердит,
что победа — не радость для всех.

* * *

Сегодня мы всем вам расскажем
про наши нескромные мысли.
Мы будем одни в этом мире.
Мы будем одни в этой жизни.

Мы будем собой наслаждаться
в порядке вещей — между делом:
встречаться, любить, расставаться...
Сегодня мы станем — пробелом.

Ни сны, ни соленые слезы,
ни слов ядовитые ноты
не смогут нас скинуть с вершины,
не смогут нас ввергнуть в заботы.

Не смогут нас бить, прикрываясь
враньем и притворной свободой.
Мы — Крылья. Мы машем на Север,
чтоб Юг поперхнулся погодой.

Ты — Ночь. Ты — нежна и красива.
Я — День. Я лечу за тобою.
Не знаем мы слова «граница»:
я стану — тобой, а ты — мною.

Пусть молнии ярко сверкают
и с ревом проснутся закаты.

Пускай извлечется все в корне —
потом возведется в квадраты.

Пусть мир изогнет свою спину,
очнувшись от долгой тревоги...
Не думая слишком о мере,
даст верные нам три дороги.

* * *

Товары — для дома,
которого нет.
Товары — для счастья.
Товары — от бед.
Одежда, белье,
блеск солидных машин...
Но где же найти мне
такой магазин?

* * *

Дождь с окон смывает взгляды
безупречно и всерьез.
Осень свяжет нам наряды
из людских соленых слез.

И любить, и ненавидеть —
вот девиз ее пажей.
Можно было все предвидеть,
но была б она нежней.

Очевидно, это вряд ли
в силе правила игры:
наступил опять на грабли —
получи свои дары.

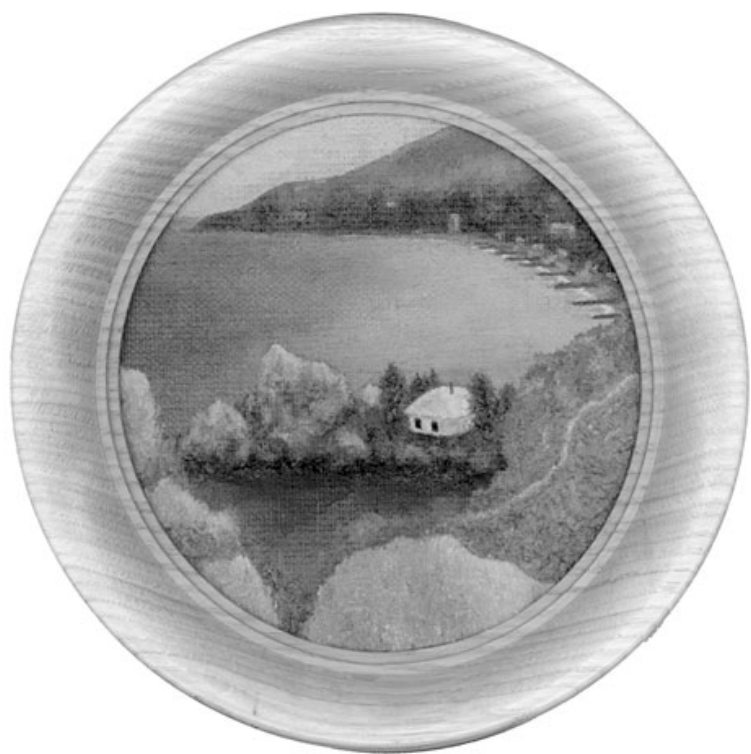
И, кидая взгляд несмело,
на случившийся курьез,
не спеши узнать у неба:
сколько будет еще слез?

* * *

Я пришел из ниоткуда.
Тороплюсь я в — никуда.
У меня стальные нервы
и седая голова.
Моя речь вполне красива,
на руке блестит бриллиант.
Я — исследователь мира.
А по жизни — музыкант.

Моих песен не услышать —
у меня они внутри...
Когда надо — их достану
и пою на раз, два, три.
И не важно, что не складный
мой мотив земной тоски.
Так заведено у многих —
рвать надежду на куски.

Принимаю я ваш выход —
все равно мне не скучать.
Не хотите — и не надо:
каждый вправе себе лгать.
Каждый вправе жить, как хочет:
знать — где счастье, где — беда,
приходить из ниоткуда
и скрываться в никуда.

АФОРИЗМЫ

* * *

Самое сложное в жизни — относиться к ней проще.

* * *

Жизнь относительна, и порой эта относительность — убийственна.

* * *

Ничто так не скрашивает жизнь человека, как его собственные фантазии.

* * *

В жизни, как в прачечной, всегда найдется тот, кто захочет покопаться в грязном белье.

* * *

Настроение то портится, то улучшается, но жизнь от этого не меняется.

* * *

Хочешь узнать цену жизни, загляни в глаза бродячей собаке — и ты поймешь, как низка ее цена.

* * *

Тот, кто придумал игру в шахматы, очевидно, хорошо играл с людьми в реальной жизни.

* * *

Жизнь — сплошной прикол, и каждый стремиться приколоться поудобнее.

* * *

Порой я верю в шанс настолько мизерный, какой может быть мошка, умудрившаяся из предоставленного пространства попасть именно в глаз.

* * *

Лопата тяжелее, но книга лучше.

* * *

Любовь — это случай, постепенно перерастающий в закономерность, с последующим обыденным восприятием. Борьба с обыденностью, значит продолжать любить.

* * *

Любовь — неоспоримое психическое заболевание, берущее начало от впитанных с детства образов, чувств, желаний. И болезнь эта может протекать как во благо, так и во вред, оставляя после себя кучу различных диагнозов. Но, несмотря на это, еще ни один нормальный человек не отказался заболеть чувством любви.

* * *

Человек привыкает ко всему, только не может с этим смириться.

* * *

Не вечен тот процесс, который создается поисками своего пути и смысла, а вечно время, которое создает нас.

* * *

Между тем «как могло быть» и «как оно есть на самом деле» — огромная пропасть желаний и несоответствия.

* * *

Самая благая миссия — та, которая невыполнима.

* * *

Чем больше война, тем меньше ты себя в ней ощущаешь.

* * *

Истина не в том, чтобы дойти до чего-то конкретного, а в том, чтобы знать, куда идти.

* * *

Неизбежное всегда рядом... От нас лишь требуется правильный выбор.

* * *

Испытав удовлетворение, храни это чувство при себе. Рассказывая об этом другому, ты не испытываешь его снова.

* * *

У них там частный бизнес: от отца — к сыну, а у нас — государственный: от знакомого — к знакомому.

* * *

Держась за случай, остерегайся случайностей.

* * *

Чем старше становишься, тем меньше амбиций.

Содержание

*** <i>Растут большие города</i>	6
*** <i>Город, встречая утро</i>	6
*** <i>История прошедших лет</i>	7
*** <i>Как потерянная копейка</i>	7
*** <i>Мои игрушки</i>	7
*** <i>Приходит ночь</i>	8
Степь.....	9
Караван.....	10
*** <i>Промелькнула звезда</i>	11
Мне говорят.....	11
*** <i>Читая на обрывках газет</i>	12
*** <i>Рассматривать раны</i>	12
*** <i>Ветер завывает свою песню</i>	13
*** <i>Осмыслить все ума не хватит</i>	14
*** <i>Вновь</i>	14
Клерк.....	15
*** <i>Мрачные тени</i>	16
*** <i>Летят самолеты</i>	18
*** <i>Костер догорит</i>	18
*** <i>Много ли толку</i>	19
*** <i>Тени дня</i>	20
Клад.....	20
*** <i>Углы домов</i>	22
Крест.....	23
*** <i>Все равно он подвел итог</i>	24
*** <i>Покрытый весь белым</i>	24
*** <i>Был построен мост</i>	24
*** <i>Двойные шторы на окне</i>	25
*** <i>На чистой странице</i>	26
*** <i>Ты раскинул игрушки</i>	26
*** <i>Я уткнулся взглядом</i>	27
*** <i>В твоей прохладной спальне</i>	29
*** <i>Я устал от ненужности</i>	29
*** <i>Душа упала камнем вниз</i>	30
*** <i>Распоясались звери</i>	31
*** <i>Ты вновь ушла</i>	33
*** <i>Его я надул и пустил в облака</i>	33
*** <i>Дело не в слове</i>	36
*** <i>По большому счету</i>	36
*** <i>Новый год уселся на трон</i>	37
*** <i>Я написал пролог</i>	38
*** <i>Пустые слова</i>	38
*** <i>Много ли нужно песен</i>	39
Россия.....	40
Монолог с сегодняшним днем.....	40
*** <i>Конфликтующий факт</i>	41
Про это.....	42
*** <i>Не на шутку заводилось</i>	43
*** <i>Почему прорастает сорняк</i>	43
*** <i>Нескончаемой рекой</i>	44
*** <i>Выдвину себя несмело</i>	44
*** <i>Неотвратимое начало</i>	45
*** <i>Оставь немного слов</i>	45
*** <i>На сон грядущий</i>	46
Атлантида.....	47
*** <i>Перо — в руке</i>	48
*** <i>Баррикады вчерашних боев</i>	48
*** <i>Мне показалось</i>	49
*** <i>Уцененное желание</i>	50

*** Взорвались солнечные дни...	51
Птенец	51
*** Простая буквенная связь...	53
*** Людям приснился шухер...	54
*** Я чувствую запах холодного лета...	54
*** Последние звезды остались гореть...	55
*** Ее полюбил я когда-то давно...	55
*** Я спокоен...	56
*** Шум деревьев и крик...	56
*** Тема завтрашнего дня...	57
*** Хочешь, я покажу тебе солнце...	58
*** Вот так вот...	58
*** Чепуха чепухе...	59
*** Прелесть твоих синих глаз...	60
Скука	60
*** Конечно, кто-то прав...	61
*** Я объявился вне закон...	62
*** Если где-то прояснилось...	63
*** Сладкий газ...	64
*** Пустые страницы твоих дневников...	64
*** Твои, разбавленные градусом, слова...	65
*** По белому снегу...	66
*** Он дверь приоткрыл...	66
*** Мы шли с тобой...	67
*** В нужном месте...	69
*** Немые вопросы...	69
*** Не царапал бы я этих строк...	69
*** Тревожная песня...	70
*** Звезды падали с небес...	70
*** Большое окно...	71
*** Мы перестали думать иначе...	72
Ставни	72
*** Порочная вечность...	73
*** Разбилась ваза об пол...	73
*** Это этапы большого пути...	74
*** Мне надоела плохая погода...	75
*** Молча, молча...	76
Новый русский	77
*** Дом опустел...	78
*** Странный вечер...	79
*** Игрушечные горы...	79
*** Непонятный союз...	80
Дорога	81
*** Давай — просыпайся...	82
*** На моих словах — запрет...	82
Десятиклассник	83
*** Пускай я тот, которого не ждут...	84
*** Знак вопроса поставлен...	85
*** На голую правду...	85
Быт без перемен	86
Тень	86
*** Вряд ли что-то будет...	89
*** На чудесном небосклоне...	89
*** Начинались дела...	90
*** Забвение всех чувств...	92
*** Факты подтверждают...	92
*** Приходит время...	93
*** От весенних дождей...	94
*** Ворвался ветер...	95
*** Незыблемы они...	96
*** Ты ни здесь и не там...	96
*** Померкнет свет в глазах...	97
*** Вся ночь беспробудно заснула...	97

*** <i>Одной дорогой едем мы...</i>	98
*** <i>Когда осень соткала ковры...</i>	99
*** <i>Мне в слова твои поверить...</i>	99
*** <i>Пройдите мимо этого пейзажа...</i>	100
*** <i>Я вторгся в пламенную ночь...</i>	100
*** <i>Ты не знаешь...</i>	101
Давай	102
*** <i>Улиц цветных мимолетные взгляды...</i>	103
*** <i>Мы в безупречности роскошной...</i>	103
*** <i>Без причины...</i>	103
*** <i>Я с ним поспорил...</i>	104
Тост	104
*** <i>Спящие лица застыли в печали...</i>	105
*** <i>Ты смотришь в окно...</i>	106
Манекены	107
*** <i>Духи хотели...</i>	109
*** <i>Я против воли мирового чувства...</i>	109
*** <i>Каждому — свое...</i>	109
*** <i>Снег скрывает следы...</i>	111
*** <i>Кому-то быть правильным...</i>	111
*** <i>Когда я смотрю на твои города...</i>	112
*** <i>Всех книжных героев...</i>	113
*** <i>Взор оступел...</i>	113
*** <i>Ты знала мою странную судьбу...</i>	114
*** <i>В этой картине не было красок...</i>	114
*** <i>Упрекай меня...</i>	115
*** <i>Нам не вернуть вчерашний день...</i>	116
*** <i>Она плыла...</i>	117
*** <i>Приди ко мне, поговорим...</i>	118
*** <i>Сам того не замечая...</i>	120
*** <i>Нам выпала честь...</i>	120
*** <i>Хотелось бабке огненной любви...</i>	122
*** <i>В последнюю зимнюю ночь...</i>	122
*** <i>Ветер...</i>	123
Клоуны	124
*** <i>Весь вечер в коричневом чае...</i>	126
Мелочи жизни	126
*** <i>Где-то в далеких мыслях...</i>	127
Она	128
*** <i>Подарил мне ветер эти мысли...</i>	130
*** <i>«Не близок путь был и опасен...»</i>	131
*** <i>Жалко ныла струна...</i>	132
*** <i>Я молча курил у окна...</i>	133
*** <i>Когда нам дано выбирать...</i>	134
*** <i>Слуги дождя...</i>	134
*** <i>Мы для бреда найдем...</i>	135
*** <i>Я смотрю в тебя...</i>	135
*** <i>От суеты...</i>	136
*** <i>Крутит земля...</i>	136
*** <i>Порока путь лежит через ворота...</i>	137
*** <i>Я в луже видел свою рожу...</i>	138
*** <i>Мне бы в небо...</i>	138
*** <i>Мир обруган был всеми словами...</i>	138
*** <i>В тихой заводи...</i>	141
*** <i>Я поцелую тебя...</i>	142
*** <i>Разойдутся круги на воде...</i>	142
*** <i>Жизнь улыбается без постоянства...</i>	142
Музыка наших душ	143
*** <i>Чистый лист...</i>	144
*** <i>Я навестил ее в четыре...</i>	144
*** <i>Ночь...</i>	145
*** <i>Солнце имело огромный успех...</i>	145
*** <i>Без страха гуляла осень...</i>	148

*** Ветер щедро дарил...	148
*** Круглое катится вниз...	149
*** Расскажи мне, моя печаль...	150
*** Хаос наводит думы...	151
Три сосны	151
*** Сначала был шаг...	153
*** Время вспять не повернуть...	153
*** Не мучай меня вопросами...	154
Ко дню рождения	155
*** Снег безрадостно дожился...	156
*** Все невозможное возможно...	157
*** Моя рукопись была не легкой...	157
*** Вот оно — взорвалось...	158
*** Мы глупели от нашей любви...	159
*** Что значили смыслы...	159
*** Все, о чем говорил...	160
*** Зонт закроет голову...	160
*** А тут я...	161
*** Прекрасную возможность...	162
Зона	162
*** Темы всеобщего разума-мира...	164
*** Я молча рисовал свою судьбу...	164
*** И снова было, как вчера...	165
Шанс	165
*** Время летит — стоит...	167
*** Пока земля рождала камни...	167
*** Я заказал себе весну...	168
*** Вокруг были толпы народа...	171
*** Оставь мои руки...	171
*** Уже светает...	172
*** Он завыл не случайно...	173
*** Что еще можно придумать луне...	173
*** Загляни в свою печаль...	174
*** Когда-то наступит...	174
*** Я простился с музой...	175
*** Ты истлела в моей души...	176
*** Ум ныл от этого общенья...	177
*** Тупик. И ни шагу вперед...	178
*** Она уходила от главных вопросов...	178
*** Разбиться в мыслях...	179
*** Мелькали в окнах чьи-то лица...	180
*** Сточились острые края...	180
*** Пошли нам веру в мирозданье...	181
*** Провозглашение...	181
*** У края последней надежды...	184
*** Пустое место...	184
*** Он смотрел заводными глазами...	185
*** Прикосновение...	186
*** Злы и непонятны...	187
*** Смысла не было гнать на полную...	187
*** Каждому — по судьбе...	188
*** Сегодня мы всем вам расскажем...	189
*** Товары — для дома...	190
*** Дождь с окон смывает взгляды...	190
*** Я пришел из ниоткуда...	191

АФОРИЗМЫ

Литературно-художественное издание

Никитин Сергей Олегович

Девяностые...
Стихотворения

Ответственный за выпуск *А. Аношко*

Редактор *А. Масаренко*
Корректор *Н. Дорофейчик*
Компьютерный набор, верстка *Д. Андреев*
Рисунки автора